

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Английский корабль
«Черный принц»,
груженный золотыми
монетами, затонул
во время Крымской
войны у берегов
полуострова...

Ольга БАСКОВА

**Золото
«Черного принца»**

Артефакт & Детектив

Ольга Баскова

Золото «Черного принца»

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Баскова О.

Золото «Черного принца» / О. Баскова — «Эксмо»,
2021 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-161289-4

Английский корабль «Черный принц» затонул во время Крымской войны у берегов полуострова. Он был гружен золотыми монетами, и многие кладоискатели мечтали их найти. Призрачный блеск золота отравил душу и офицера НКВД Анатолия Викторова, который приложил максимум усилий, чтобы выйти на след тех, кто мог найти сокровища «Принца»... В наши дни старушка Нонна Вальцпруф заинтересовалась легендарным кораблем, а вскоре умерла не своей смертью. Журналистка Катя Зорина твердо решила выяснить, кто убил ее пожилую соседку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-161289-4

© Баскова О., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	17
Глава 8	22
Глава 9	23
Глава 10	26
Глава 11	31
Глава 12	32
Глава 13	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ольга Баскова

Золото «Черного принца»

© Баскова О., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Балаклава, 1915 год

Балаклава... Край гор, скал и моря. Сквозь тесное, зажатое розовыми камнями устье деловито скользят рыбацкие лодки. «Листригоны» – так испокон веков называют местных рыбаков. Аквамариновая вода в бухте, древние башни и выбитые в скалах ступеньки вдохновляют поэтов, писателей и художников. Под лучами заходящего солнца слегка искрится бескрайнее море.

Ясная летняя ночь опускается на город...

Десятилетний мальчик Толя Викторов никак не может заснуть, ворочаясь на жесткой постели. Ребенок то и дело вскакивает и подбегает к окну.

– Мама, смотри. – Худенькая ручонка тянется к морю. – Лунная дорожка! А правду говорят, что тот, кто проплывет по ней, станет счастливым человеком?

Молодая женщина качает головой:

– Наверное. Море хранит много разных секретов. – Она ласково гладит сына по голове. – Да ты спи, непоседа.

Толя трет глаза.

– Мама, расскажи мне о чем-нибудь. Так я скорее засну. Честное слово.

– О чем же тебе рассказать?

Мальчик морищет лобик:

– О корабле «Черный принц», который затонул в нашей бухте с сокровищами. Помнишь, ты рассказывала мне о нем. А потом никто, никто не мог отыскать золото.

Мама улыбается:

– Ну, слушай. Однажды к Балаклавской бухте подошел гордый красавец-пароход с громким названием «Принц». Англичане ждали его с нетерпением. Он вез им жалованье – миллионы фунтов стерлингов.

Тихий вкрадчивый голос убаюкивает. Через десять минут мальчик уже спит, положив ладонь под голову. Он еще не знает, что через два года грянет Великая Октябрьская революция, что она коренным образом изменит его судьбу, он окажется востребованным и попадет в самую страшную организацию того времени – НКВД, и что детская сказка о «Принце» навсегда западет ему в душу, и он посвятит жизнь поискам золота, при этом ломая другие жизни...

Глава 2

Приреченск, наши дни

Она сидела на кухне и пила чай со свежими яблоками. Именно такой чай любили ее отец и мать. Нарезаешь яблоко тоненькими кусочками и бросаешь в кипяток с заваркой... Потрясающий аромат!

Неповторимый запах этого напитка снова пробудил воспоминания. Вот папа берет в руки плод, медовый, с красным бочком, очищает от кожуры. Мама, награв заварной чайник, наливает туда кипящую воду...

Боже, как это было давно! Она вдруг резко повернула голову в сторону коридора и прислушалась. Из гостиной доносились шаркающие шаги. Кто-то ходил по комнате.

Закусив губу, чтобы не закричать, она медленно поднялась со стула.

– Спокойно! Здесь никого не может быть!

И все-таки там кто-то был. Он шуршал газетами, лежащими на журнальном столике, двигал старое кресло.

«Вор! – мелькнула мысль. – Узнал, что я живу одна».

Но как в таком случае ему удалось проникнуть в квартиру? Через балкон? Значит, он альпинист, раз не боится маневрировать на карнизах седьмого этажа.

Ноги неожиданно стали ватными. Она хотела позвать на помощь, но опять вовремя сдержала себя.

«Надо дойти до телефона в прихожей. Или выскочить на лестничную клетку».

Стараясь вжаться в стену, она двигалась к спасительной двери.

Он вырос перед ней внезапно, как призрак. В длинном черном пальто, в широкополой шляпе. Лица его она не видела, но знала, что это он. Его голос...

– Ты? – Ее тонкие губы посинели. – Этого не может быть! Ты же умер!

Он рассмеялся. О, как она ненавидела этот лающий смех!

– Что ты, дорогая! Разве я могу умереть, не узнав у тебя твоей тайны! Ради нее я на тебе женился.

Она стала задыхаться:

– Я была на твоих похоронах!

– Точно! – подтвердил он. – А теперь я пришел за тобой. Помнишь, я сказал, что нас ничто не разлучит? Иди ко мне... Пусть твоя семейная тайна уйдет вместе с нами.

Она сделала шаг к двери, но тонкие холодные пальцы схватили ее за локоть. Почувствовав резкую боль в груди, она пошатнулась.

– Тебе плохо, дорогая? Хочешь прилечь? Иди в гостиную.

– Убирайся! – Стараясь превозмочь боль, она замахнулась на него.

Темный силуэт стал отступать в комнату, растворяясь в воздухе. Господи, что же это такое? Неужели призрак ненавистного ей человека? И когда прекратится эта боль?

– Я жду тебя, любимая! – Свистящий шепот послышался из-за темных старых гардин. – Ты готова перенестись в вечность?

Да, это он, он! Не успокоился и на том свете! Липкий страх парализовал тело вместе с болью.

Вскрикнув, она упала на холодный пол.

Глава 3

Приреченск, наши дни

Звонок в дверь заставил Катю оторваться от приятного дела – приготовления вкусного и обильного ужина любимому мужу. Чтобы спокойно заняться этим, девушка пораньше ушла с работы, купила по дороге в супермаркете кусок говядины, придя же домой, быстро смолола его на электромясорубке, добавив луку и чесноку, потом замесила тесто и принялась лепить пельмени – излюбленное блюдо Костика.

Вообще, журналистка обожала готовить, постоянно сетуя, что на этот творческий процесс (именно так она его и называла) катастрофически не хватает времени.

Сегодня же его было предостаточно. Еще в полдень Скворцов предупредил супругу, чтобы не рассчитывала на его скорое возвращение домой. Какое-то столичное начальство устраивало совещание, мешая желанию бедных усталых оперативников наконец-то, в кои-то веки, обнять жену и детей вечером, а не ночью или под утро.

Несмотря на это, Катя пребывала в прекрасном настроении. Совещание – все же не происшествие, где благоверный может крутиться неизвестно сколько. Ну, поторчит ее Скворцов в отделе лишних полтора часа, зато вкусит королевский ужин.

Звонок в дверь перечеркнул все ее намерения.

– Неужели совещание не состоялось? – На сей раз такой расклад событий ее не очень радовал. Больно уж хотелось преподнести пельмешки в большой фарфоровой тарелке – подарке ее родителей.

Однако, махнув рукой, девушка побежала к двери. Разумеется, муж и так обрадуется приготовленному ею сюрпризу и с удовольствием подождет, пока полуфабрикаты превратятся в дымящиеся пахучие готовые продукты.

Глянув по привычке в глазок, она удивленно подняла брови и открыла дверь. Перед ней стояла соседка, жившая этажом выше, Эмма Павловна Кульчицкая.

– Извини, что беспокою тебя, Катюша, – начала женщина, проходя в прихожую, – надеюсь, ты не очень занята?

Из вежливости журналистка отрицательно покачала головой.

– Слушаю вас.

– Меня очень волнует, что Нонна Михайловна уже несколько дней не выходит из своей квартиры.

Нонна Михайловна Вальцпруф жила с Кульчицкой на одной лестничной клетке. Это была довольно бодрая старушка лет семидесяти пяти. Катя неоднократно наблюдала, как проворная бабушка с тяжелыми сумками бегом преодолевала барьер в три этажа, и при этом думала: «Ну, и здоровье у человека!»

Своих детей у Нонны Михайловны не было. Муж умер лет пять назад, оставив ее одну-одинешеньку в большой двухкомнатной квартире. Первое время женщина горевала, потом, следуя советам доктора Курпатова направлять энергию пусть даже на бессмысленные поступки и отвлекаться таким образом от мрачных мыслей, вспомнила о родной сестре, жившей на другом конце города, с которой она не общалась вот уже двадцать лет.

Благодаря усердию Вальцпруф близость между родственниками восстановилась, и нерас-траченная материнская нежность Нонны Михайловна вылилась на внучатых племянников. Ей стало казаться, что она совсем не одинока. Высокие бородатые мужчины с женами и маленькими детьми постоянно приезжали к ней обедать и ужинать. В большой семье наступила идил-

лия, длившаяся, впрочем, недолго. В один прекрасный день старушка снова осталась в полном одиночестве. Что произошло, никто из соседей, даже самые любопытные, так и не узнал.

Впрочем, Нонна Михайловна недолго горевала. Она принялась совершать длительные прогулки по городу, открывая для себя интересные места и взахлеб рассказывая о них подругам. Особенно тесно Вальцпруф общалась с Эммой Павловной, и неудивительно, что та первая заметила ее отсутствие.

– Может, человеку нездоровится? – высказала Зорина свое предположение. – Вы звонить не пробовали?

– Последние три дня только этим и занимаюсь каждые десять минут, – отозвалась Кульчицкая. – Ваш муж дома?

Катя улыбнулась:

– С его работы так рано не возвращаются. Может, я смогу вам помочь?

Эмма Павловна замялась:

– Когда-то Нонна дала мне ключ, – непонятно почему чувствуя себя виноватой, сказала она, – просила, чтобы в ее отсутствие (тогда подруга еще ездила в гости к сестре и часто оставалась жить на даче) я поливала цветы. Могу ли я им воспользоваться сейчас?

Журналистка нахмурилась:

– Вам бы следовало сделать это раньше.

Только теперь ей стала понятна неловкость Кульчицкой: опустив ресницы, та промолвила:

– Я боялась... А вдруг она там мертвая?

Молниеносно открыв дверь, девушка бросилась вверх по лестнице, увлекая за собой соседку. Перед квартирой Вальцпруф Катя остановилась и замерла. Сладковатый запах, пробивавшийся из всех щелей, стал уже довольно ощутимым.

Старушка закашлялась.

– Сейчас я потеряю сознание. – Кульчицкая навалилась на журналистку всей тяжестью тела.

Катя, старавшаяся сохранить равновесие, достала платок и, поморщившись, закрыла нос.

– Прежде надо позвонить участковому, – сказала она Эмме Павловне. – Боюсь, вашей подруге уже ничего не поможет.

Женщина взяла себя в руки и, поблуднев, кинулась в свою квартиру. Журналистка, подавив приступ тошноты, медленно спускалась по ступенькам. У распахнутой двери ее поджидал Костик.

– Ну, ты меня и напугала! – облегченно вздохнул он, увидев жену целой и невредимой. – Сколько можно тебя учить...

– Умерла Нонна Михайловна, – расстроено сообщила ему Зорина, забыв про недолепленные пельмени.

Оперативник наморщил лоб:

– Бодрая старушка? В это трудно поверить. Что с ней? Инфаркт? Инсульт?

– Еще не знаем.

Катя вкратце рассказала о разговоре с Кульчицкой.

Скворцов снова изумился:

– Сколько раз, глядя, как старушенция прыгает через кочки, я думал: «Вот уж на ком пахать можно!»

После этой реплики супруга выразительно посмотрела на него:

– Я тоже так считала... Вот почему и хочу присутствовать при вскрытии квартиры.

– Тебе это надо? – Помыв руки, муж прошествовал на кухню и при виде аккуратно вылепленных пельмешек шумно сглотнул слюну. – А впрочем, иди, дорогая. За ужин спасибо, но

сдается мне, что ты налепила на одну порцию. Лучше мне поднатужиться и сварить их, чем остаться наполовину голодным.

Катя рассмеялась:

– Ты не очень-то раскатывай губу. Я не собираюсь задерживаться. Лучше слепи еще с десяток.

– Эксплуататорша!

Скворцов покорно сел за стол:

– Так и быть. Но если что – зови меня.

– Обязательно!

Участковый, старший лейтенант Кирилл Иванович Андроников, вечно чем-то недовольный и озабоченный семейными проблемами, сразу прибежал на место происшествия, захватив понятых из первой квартиры. Увидев Зорину, он смутился:

– Если бы я знал... Лучшей понятой мне не сыскать.

Девушка махнула рукой:

– Я никуда не денусь.

Соблюдая необходимые формальности, полицейский открыл квартиру и, зажав нос, прошел в большую комнату.

Нонна Михайловна лежала у тумбочки, неестественно подогнув под себя руку.

Указав на глубокую рану у виска и на острый угол с облупленной полировкой, Кирилл Иванович вздохнул:

– У нее закружилась голова. Она упала и ударилась.

Катя, морщась от неприятного запаха и во второй раз за сегодняшний вечер преодолевая чувство брезгливости, приблизилась к соседу.

– Думаете, сердечный приступ?

Андроников кивнул:

– Не иначе как... Хотя никогда бы не подумал... Такая бой-баба была!

– Тогда вы должны ходатайствовать о вскрытии...

Кирилл Иванович прищурился:

– Никогда не понимал женской логики. И с какой, скажите, стати ее вскрывать? Разве мотивируя тем, что покойная до последнего прыгала, как горная коза? Мало, что ли, случаев в жизни, когда подобные ей скопычиваются на лету?

Зорина дотронулась до его локтя.

– Ее глаза... Выражение лица... Обратите внимание... В глазах застыл испуг. Что, по вашему, могло ее так напугать?

Широкие плечи участкового чуть дрогнули:

– Какое мне, простите, до этого дело?

– Давайте ничего не будем трогать до приезда оперативной группы, о которой позаботится мой супруг.

Андроников удивленно и недовольно посмотрел на журналистку:

– Вечно вы лезете в чужую работу... Какое вам дело до скоропостижно скончавшейся пожилой женщины? Ей, между прочим, было больше семидесяти. Свое отжила.

Зорина, стараясь подавить раздражение, вызванное равнодушием работника правоохранительных органов, ответила:

– Это не значит, что мы не должны установить причину. А ваше отношение к случившемуся для меня дико и непонятно.

Кирилл Иванович отошел к окну, всем своим видом демонстрируя покорность судьбе:

– Делайте что хотите.

– Разумеется, я так и поступлю.

Достав из кармана фартука, который она не успела снять, мобильный, Катя набрала номер мужа.

– Костик, ситуация требует твоего присутствия!

Оперативник хотел что-то вставить, по всей вероятности, заикнуться о пельменях, томлящихся на деревянной доске, но передумал:

– Бегу.

Глава 4

Приреченск, наши дни

Скворцов, с самого начала не разделявший точку зрения жены, заранее скептически настроенный, все же вызвал Павла и эксперта Михальча.

Тот, осмотрев покойную, бросил подобострастный взгляд на Катерину, с некоторых пор сделавшуюся героиней города. Еще бы! Ее криминальные статьи в газете «Вести Приреченска» читали с большим интересом. Ему ужасно хотелось угодить ей, и он ласково произнес:

– Что же тебе не нравится, моя дорогая? По-моему, обычный инфаркт.

– Ее лицо искажено страхом, – терпеливо объясняла Катя, – разве вы не видите? Инфаркт не возник на пустом месте. Мою соседку кто-то или что-то сильно напугало.

– Ее могла напугать и внезапная резкая боль, – успокоил ее Станислав Михайлович. – Закружилась голова, бедняжка стала терять сознание, испугалась, что умрет. – Он повернулся к Андроникову: – Надо сообщить родственникам.

– У меня есть номер их телефона, – подала голос молчавшая до сих пор Эмма Павловна.

За время осмотра трупа она становилась все бледнее и бледнее. Казалось, еще немного – и ей самой потребуется медицинская помощь.

– Я позвоню. – Она исчезла так же бесшумно, как и появилась.

Криминалист и Киселев отошли к окну.

– С Катькой нам одни неприятности, – жалобно проскулил Станислав Михайлович. – В любом другом приреченском доме одинокая старушка спокойно бы отдала концы. Однако там, где обитает наша Агата Кристи, это невозможно. Бабульку непременно должны убить.

Павел, кивнув, оглядел большую комнату со старой мебелью и потертыми обоями.

– Если это убийство, то какой мотив? Ограбление? – Оперативник сам задал себе вопрос и попытался на него ответить: – Вряд ли. Замок не взломан. Все на своих местах. Непохоже, что здесь кто-то рылся в надежде поживиться. Красть, прямо скажем, нечего.

Зорина прищурилась:

– Это как сказать. Разве мало случаев, когда такие вот старушечки, экономя на всем, неизвестно зачем складывали деньги в чулок? И суммы, между прочим, были немалые. И фамильных драгоценностей не счесть...

Киселев хмыкнул:

– Ты права. Возможно, дражайшая Нонна Михайловна втайне мечтала о славе Гобсека. Уже все сделали? – переключился он на экспертов.

Станислав Михайлович, потирая руки, ответил:

– Готово. Налетай, ребята.

– Большое спасибо.

Павел и Константин принялись обследовать гостиную, заглядывая во все щели.

– Да тут прямо как в лачуге нищего! Не на что взгляд бросить.

– Я бы на твоём месте воздержалась от подобных комментариев. – Катя подошла к столу и взяла в руки книги, которые супруг, перелистывая, небрежно отбрасывал. Ее гладкий лоб прорезала морщина.

– Странно, – заметила она.

Мужчины повернулись к ней:

– Ты о чем?

– Странно, – повторила она. – Здесь прямо красной нитью проходит одна тема.

Киселев медленно отложил в сторону ворох белья.

– Ну-ка, ну-ка? Что ты там узрела? – Он стал перебирать фолианты. – «Большая Советская Энциклопедия», энциклопедический словарь, «Сто великих кораблекрушений», «Загадки подводных сокровищ», «Долина смерти». Хоть убей, не пойму, что тебе кажется странным, – недоуменно проговорил он.

Катя настаивала на своем:

– Не ленись и посмотри внимательнее: некоторые страницы помечены карандашом или ручкой.

Оперативник последовал ее совету.

– Да, тут везде информация о корабле «Черный принц»! – воскликнул он. – По всему видать, наша старушка увлекалась кораблекрушениями.

– «Черный принц»? – Константин поднял глаза. – Это пароход, доверху набитый золотом и утонувший в Черном море во время Крымской войны? Что-то такое я читал в детстве.

– Все читали, – подтвердил приятель. – Некоторые, насколько я помню, даже пробовали искать бочонки с деньгами на дне морском. Только ничего не нашли, так как никакого золота там не было и в помине!

– Наша покойная увлекалась историей корабля, это верно. – Павел повернулся к Кате. – И что с того? Ну, любила дамочка читать разные сказки. Все старики рано или поздно впадают в детство. Но вряд ли она собиралась погружаться в пучины за монетами. Ты же не будешь настаивать на другой версии?

Зорина покачала головой:

– Она интересовалась этим и в молодости. – Она сунула ему под нос том энциклопедии. – К твоему сведению, пятьдесят второго года выпуска. Теперь обрати внимание на чернила, которыми подчеркивались строчки. Судя по цвету, им лет сорок с лишним, не меньше. Михалыч определит это более точно. А вот здесь, – сунула им под нос пластмассовую коробку (раньше в таких продавали конфеты), – статьи двадцатых и тридцатых годов.

– Извини, Катерина. – Киселев аккуратно поставил книгу в шкаф. – Это все, конечно, интересно, но начни мы с твоим муженьком рассказывать Кравченко на оперативке об увлечении Вальцпруф «Черным принцем» и испуганном выражении ее лица, нас засмеет весь отдел. Я уже вижу, к чему ты клонишь. – Он подмигнул ей. – Опять твои непомерные фантазии. Мол, бабка отыскала сокровище, и за это ее кокнули.

Журналистка зло посмотрела на него:

– Ничего подобного я не говорила, просто обратила ваше внимание на некоторые детали. Если они никого не интересуют, можете продолжать работать, игнорируя мои реплики.

– Огромное тебе спасибо!

Катя посидела еще минут десять, пока оперативники в полном молчании обследовали все углы.

– А пельмени-то я так сегодня и не сварила, – неожиданно заявила она, поднимаясь с места. – Пойду приготовлю наконец ужин любимому супругу. Не возражаете?

Костя признательно посмотрел на жену.

– Ты, Паша, тоже приходи, если проголодаешься.

– Обязательно, – иронически поклонился приятель.

Глава 5

Приреченск, наши дни

Супруг явился через час в гордом одиночестве.

– Наш друг поспешил домой, – проинформировал он жену. – Оказывается, сегодня не одна ты решила побаловать мужа вкусеньким.

Раскладывая дымящиеся пельмени по тарелкам, Зорина поинтересовалась:

– Нашли что-нибудь?

Костя покачал головой:

– Ровным счетом ничего. Завтра переговорю с Михалычем. Может, в смерти этой Вальцпруф все же нет ничего необычного? – Он секунду помедлил и продолжил: – Ради твоего спокойствия можно рассмотреть версию убийства с целью завладения квартирой. Ты не знаешь, кто ее унаследует?

– Наверное, сестра и ее дети. – Катя задумалась. – Вообще, вряд ли, чтобы они решились на такое. Помню, Нонна Михайловна с гордостью говорила, что ее племянники – люди более чем обеспеченные и подбрасывают ей на жизнь.

Слушая жену, Константин резал хлеб. Зорина всегда поражалась его вкусу: и макароны, и вермишель, и вареники – короче, все мучное супруг ел с хлебом.

– Может, оставить ее в покое? – осторожно предложил он.

– Может быть, – покорно ответила журналистка. – Однако... Ты же видел выражение ее лица.

– Ну, мало ли, что могло ее напугать. – Скворцов обильно полил пельмени сметаной. – Помню, рассказывали мне такой случай. Работал до меня в нашем отделе весьма толковый опер Прохоренко. Про него легенды слагали. Дескать, ни черта он не боялся и раскручивал дела, на которые все махали рукой. Уголовники ломали головы, как отправить на тот свет слишком ретивого мента, но все безрезультатно. Его и пули обходили стороной. Но однажды соседка, пришедшая поливать цветы по просьбе жены оперативника, гостившей в деревне у матери, обнаружила его мертвым. Он лежал на балконе, и искаженное страхом лицо красноречиво свидетельствовало о том, что кто-то, очень постаравшись, напугал Прохоренко до смерти. Правда, высказывая эту версию вслух, мои коллеги сами не верили в нее, уж больно храбрым был опер. Найти виновных в его смерти стало вопросом чести. Все кинулись изучать материалы дела, над которым работал покойный. Отыскали жену. Обливаясь слезами, она с уверенностью заявила, что покойный супруг боялся только одного – смерти, которая, по предсказанию одной гадалки, должна была наступить, когда ему стукнет сороковник. Обыкновенная шарлатанка, предсказательница, несомненно, обладала большой фантазией и роль вестника смерти отвела вороне. После этих слов мы задумались. Выходит, кто-то знал об этой чуши и красиво обставил дело, если учесть, что жил он в центре города и дом стоял у дороги. Вокруг, как ты понимаешь, ни деревца. Откуда же взяться вороне?

Катя, не перебивая, слушала рассказ мужа.

Константин продолжал:

– Естественно, все заинтересованные в его смерти бандиты имели алиби, однако моих коллег это не смутило. И все равно через месяц они оказались в тупике. Когда оперативники отчаялись отыскать хоть какую-нибудь зацепку, все решилось само собой. Не помню, кто обратил внимание на слова жены, что тело нашла не та соседка, которой она оставляла ключи. Для боевых товарищей Прохоренко этот факт не показался значимым, однако они его проверили.

Оказалось, все было очень просто. Женщина попросила ключи (все в доме знали, кому их оставляет жена Прохоренко, когда едет навестить маму), потому что ее ручная ворона каким-то образом развязала веревку на ноге и слетела на балкон к покойному. Возможно, она несколько раз каркнула, что привело беднягу в стрессовое состояние и послужило причиной смерти. Вот как бывает, дорогая. Я к чему это рассказываю... Вальцпруф могло напугать что угодно. И это что угодно не обязательно кто-то подстроил. Налицо явное отсутствие мотива.

Журналистка, погруженная в свои мысли, уже не слышала последних слов мужа.

Глава 6

Приреченск, наши дни

Судмедэксперт Станислав Михайлович встретил Скворцова в вестибюле. Радостно улыбаясь, он сообщил:

– Нашу дамочку сразил обширнейший инфаркт. Никакого криминала нет и в помине.

Константин наморщил лоб:

– А выражение лица?

– Об этом я уже говорил твоей супруге, – недовольно буркнул эксперт. – Поверь, здесь нет ничего необычного. И только такая впечатлительная и творческая женщина, как твоя жена, может прицепиться к подобному факту.

Скворцов облегченно вздохнул:

– Спасибо, друг. Ты не представляешь, какую ношу снял с моих плеч. Сейчас позвоню Катерине, которая очень переживает по этому поводу.

Катя, снизу доверху обложившаяся статьями своего давнего недоброжелателя и оппонента Огурцова, готовила очередное опровержение его пламенным речам, заключавшим в себе нападки как на редакцию, в частности, на Анатолия Николаевича Пенкина, так и на саму газету. На данный момент защита родных пенатов казалась ей первостепенной задачей. Вот почему сообщение Константина она восприняла без эмоций:

– Да бог с ней, с этой Вальцпруф. Домой-то когда придешь?

– Возможно, пораньше.

– Целую тебя.

Положив трубку, журналистка снова углубилась в изучение материала. Тогда она еще не знала, что эта обычная, на первый взгляд, история потребует продолжения и вдохновит на очередную книгу.

Глава 7

Отрывок из книги Зориной. 1854 год. Балаклава

Живописный городок Балаклава, раскинувшийся на берегу красивой бухты, всегда радовал глаз приезжих. Голубая прозрачная вода обещала истомленным жарой путникам несказанное наслаждение. Невысокие горы, покрытые кустарником, как стражи, стояли на защите этого дивного места. Воздух, напоенный запахом трав и можжевельника, пьянил. Казалось, всякий, кто очутился бы в таком благословенном уголке, подняв руки к небу, возблагодарил бы Господа.

Однако измотанная боями и истощенная болезнями английская армия, возглавляемая лордом Рагланом, теперь считала иначе. Возможно, в самом начале Крымской кампании, в сентябре 1854 года, живописность Балаклавы повлияла на его решение остаться здесь и создать свою базу. Теперь Фицрой Джели Патрик Генри Соммерсет (таково было его полное имя) сожалел об этом.

Да, несомненно, французы поступили умнее, обосновавшись в бухтах Казачьей и Камышовой. Получалось, что их левый фланг прикрывало море, правый – союзники – англичане, в то время как у его армии тот же самый правый фланг оказывался открытым для возможного нападения Менишкова.

Вспоминая об одержанной ими победе на Альме, Раглан морщился. Да, лучшие герцога Кембриджского никто по этому поводу не выразился: «Еще одна такая победа – и у Англии не будет армии». Беспокойство лорда усилилось тем, что он сейчас имел довольно смутные представления о местонахождении противника.

Меряя шагами свою комфортабельную яхту «Драй ярд» (спасибо приятелю Бургу, избавил от необходимости жить в палатке), он постоянно бросал взгляды на копошившихся на берегу солдат и офицеров, и его сердце болезненно сжималось. Будучи не только требовательным, но и заботливым командиром, Раглан с жалостью думал об английской армии, продолжавшей жить в ужасных условиях. Болезни и усталость сильно подействовали на нее. Гвардейские офицеры, обычно являвшие собой образец аккуратности, были похожи, как потом легко окрестит их «Дейли ньюс», на вороньи пугала. И неудивительно! Как будет выглядеть человек, по целым неделям не менявший белья и не всегда имевший возможности смыть грязь с усталого тела?

Правда, всем регулярно выплачивалось жалованье, однако приобрести необходимые вещи на него никто не мог. Цены в городе просто шокировали. За бутылку водки просили 17 шиллингов, за свечу – два. Офицеры, носившиеся в поисках белья и утвари, вскоре поняли: об этом можно только мечтать.

Иногда мечты сбывались. Лорд Раглан вспомнил счастливое лицо одного своего подчиненного, за шестьдесят рублей серебром купившего котелок для варки пищи.

Командующий поднял глаза к небу, как бы призывая на помощь Всевышнего, и на его приятном лице появилась недовольная гримаса.

Последнее время не радовала и хваленая крымская погода. Уже неделю шли противные дожди, напоминая союзникам, что осень неизбежна и появляется даже в таких краях.

Вот и сейчас с посеревшего неба на его лоб упали две капли, свежий ветер взъерошил волнистые волосы.

«Скоро станет холодать, – с грустью подумал лорд. – Надо отправить депешу в Англию. Наша армия давно нуждается в теплом белье, боеприпасах и деньгах».

Будто подтверждая его слова, небо затянули свинцовые тучи, и сильный дождь хлынул как из ведра. Командующий заспешил в каюту.

Об английской пунктуальности недаром слагались легенды.

Правительство очень серьезно отнеслось к просьбе, и новый трехмачтовый пароход «Принц», краса и гордость страны, оборудованный по последнему слову техники, груженный теплым обмундированием, припасами и секретным оружием для взрыва затопленных русских судов, заграждавших вход в Севастопольскую бухту, горделиво взметнув паруса, отправился в далекий путь.

Командир красавца-корабля, капитан Гудель, с гордостью смотрел на вверенное ему чудо. И, надо сказать, было чем гордиться.

Как и все военные, любясь высокими мачтами и вслушиваясь в шум двигателя, он мысленно рисовал картину великого будущего парохода, который, по его мнению, непременно должен был прославить Флот Ее Величества.

Сначала судьба благоволила «Принцу». Тягостное и утомительное путешествие по нескольким морям прошло без сучка без задоринки.

Проблемы начались по прибытии в Балаклавскую бухту. Подойдя к ее длинному и узкому устью, пробраться через которое таким большим кораблям было довольно сложно, красавец-пароход отдал якоря.

И тут произошло то, чего никто не ожидал. Отданный якорь, увлекая за собой канат, с грохотом ушел под воду.

– Второй, второй! – закричал первый помощник, размахивая руками.

Матросы исполнили его приказ, однако и этот якорь постигла участь первого.

Люди тревожно переглядывались. Это считалось плохой приметой.

– Черт! – выругался Гудель. – Что же делать?

Оставался один выход – пришвартоваться к какому-нибудь кораблю, что, в конце концов, и было сделано.

Вытирая пот, градом катившийся по лицу, и поеживаясь под свежим морским ветром, Гудель с надеждой смотрел на Балаклавскую бухту. Больше всего ему хотелось обосноваться именно там и отдохнуть от несильной, но постоянной качки.

– Завтра же переговорю с капитаном Балаклавского порта, – заверил он себя. – Он не посмеет отказать мне.

Однако на душе почему-то не стало легче.

Капитан Балаклавского порта Дакрес, невысокий мужчина с желчным лицом, внимательно выслушав Гуделя, отрицательно покачал головой, не дав разрешения ввести «Принца» в защищенную гавань.

Командир английского парохода пробовал добиться отмены такого решения.

– Постоите на внутреннем рейде, – тоном, не терпящим возражения, заявил Дакрес.

– Но качка, команда утомлена... – только и успел вымолвить бравый капитан.

– Я еще раз повторяю вам: в бухте нет места. Впрочем, скоро ее покинет пароход «Виктория». Вот и встанете вместо него.

Раздраженному офицеру пришлось повиноваться.

На корабль он вернулся ни с чем.

Пожилые матросы, заметив угрюмое лицо своего командира, окружили его, издавая недовольные возгласы:

– Сколько нас будет здесь трепать!

– Когда же разгрузимся?

Капитан «Принца» лишь разводил руками:

– Потерпите еще немного. Вот снимется с якоря «Виктория»...

– Быть сильному шторму, – озабоченно заметил, подходя к ним, боцман. – Как бы беда не случилась...

– Господь с тобою, – ответил, крестясь, вахтенный офицер. – Сам не знаешь, что говоришь... Вон штиль какой...

Мужчина усмехнулся:

– Он – один из предвестников. Да вы на небо поглядите.

Гудель последовал его совету, с опаской констатировав: небо действительно стало необычного лилового цвета. Удивительно спокойное море не радовало глаз. В крике носившихся над кораблем чаек слышалось что-то злое.

Лорд Раглан, которому тоже сообщили о возможной буре, угрюмо смотрел в окно иллюминатора. С раннего утра отдохнувший за ночь ветер подул с новой силой, нагнав плотную стену ливня. Это не улучшало настроения.

– Какой же болван этот Дакрес! – При воспоминании о самодовольном капитане Балаклавского порта его тонкие губы скривились в презрительной гримасе. – Надо было разрешить «Принцу» войти в гавань и начать разгрузку теплых вещей. Недоставало еще, чтобы мои люди, едва оправившиеся после холеры, свалились от простуды!

Сжав кулак на целевишей руке, Раглан привстал, словно собираясь бежать к Дакресу. В ту же минуту сильный порыв ветра так качнул яхту, что лорд, потеряв равновесие, чуть не свалился на пол.

Издав звуки, напоминающие рычание разъяренного пса, он бросился на палубу. Картина, открывшаяся его взору, вызвала почти животный страх.

– Это конец света! – пробормотал лорд, торопливо крестясь и с ужасом вглядываясь в даль, пытаясь рассмотреть сквозь пелену дождя и града величиной с орех, безжалостно барабанившего по фуражке, палатки военного лагеря.

А в это время на берегу началась настоящая паника. Ураган, внезапно обрушившийся на Крымский полуостров, кружил в воздухе одеяла, фуражки, шинели. На секунду присмирев, он, собравшись с силами, стал, как ловкий жонглер, подбрасывать вверх столы и стулья. Люди и лошади, сбитые с ног мощными порывами, беспомощно катились по земле. Кто-то из солдат истошно закричал:

– Где наши командиры? Пусть ведут нас в бой!

Сотни голосов вторили ему:

– Ведите нас на Севастополь! Лучшие сражаются с русскими батареями, чем сделаться жертвами бури!

Тогда никто из них не знал, что делалось у скалистых балаклавских берегов. Ураган мешал судам выйти в открытое море, лишая единственного шанса на спасение.

Капитан небольшого парохода, заботясь о находящемся на борту герцоге Кембриджском, приказал матросам во что бы то ни стало отклепать якоря. Это им удалось, однако яростные волны оборвали цепи. Призывая на помощь Всевышнего, командир корабля, с трудом преодолевая напор ветра, взял курс в открытое море.

Проходя мимо «Принца», который швыряло, как детскую игрушку, он сигналом сообщил: погода вскоре еще ухудшится.

Гудель, получивший предупреждение, обратился к стоявшему рядом с ним агенту адмиралтейства Брайтону:

– Нам советуют уйти.

Брайтон пожал плечами:

– Решайте сами.

– Если погибнет судно, я себе этого не прощу.

Агент сжал губы.

– Думаю, этого не случится.

Ему не верилось, что такое чудо техники, как «Принц», может пасть жертвой урагана. И все же, как опытный моряк, он понимал всю опасность положения.

– Если уходить, надо делать это немедленно, – помолчав, добавил он.

Гудель пристально посмотрел на собеседника, чьи мысли совпали с его собственными:

– Вижу, вы не слишком поддерживаете это предложение. По правде говоря, я с вами согласен. «Принц» останется на месте. Ни у одного судна нет такой сильной паровой машины, как у нас. Думаю, она вполне заменит второй якорь, который так и не удалось поднять со дна. Что вы на это скажете?

Шумно выдохнув, Брайтон поспешил согласиться. Признавать победу шторма не хотелось так же, как и победу русских.

Отдав распоряжение запустить паровой двигатель на всю мощь, Гудель с волнением стал наблюдать за стоявшими рядом судами, капитаны которых тщетно пытались спасти свои детища. Гул от ветра сливался с грохотом топора о дерево. Матросы, выполняя приказы командиров, рубили грот- и фок-мачты, сбрасывая в море все, вплоть до пушек.

Мачты падали на палубы, калеча их, и к гулу стихии добавлялись стоны несчастных людей. С сильным скрежетом лопались якорные цепи, ураган, словно издеваясь, срывал моряков с палубы, скармливая их огромным волнам. Товарищи пытались оказать помощь, однако обломки мачт, части деревянных корпусов разбитых судов, носившиеся по воде бочки с ромом и сухарями, сундуки с матросскими пожитками, превращаясь в страшные тараны, мешали спасению.

Видя, как пароходы один за другим разбиваются о скалы, Гудель, стряхнув с себя внезапно нахлынувшее оцепенение, приказал срубить все мачты. Брайтон стрелой носился по палубе, наблюдая за действиями матросов. Теперь он жалел, что так нерешительно повел себя во время разговора с капитаном. Выйди они в открытое море, как это сделали два парохода, им удалось бы спастись. Теперь же приходилось уповать на Бога.

– Мы не можем погибнуть! – бормотал он сквозь зубы.

– Что за черт?

Внезапно Брайтон покрылся холодным потом. Безукоризненно работающий паровой двигатель, как-то быстро растеряв былую мощь, стал покашливать и сдавать.

– Только этого нам не хватало!

Офицер бессильно опустил руки, сознавая: теперь «Принц» обречен. Скорее всего, произошла авария: такелаж какой-нибудь мачты попал под винт, с каждым оборотом наматывавший на себя канат. Он знал: с прекращением работы двигателя корабль не справится с бурным морем.

В страхе и отчаянии Брайтон побежал на корму. Ему показалось: прошла целая вечность до того момента, когда пароход накренился на правый бок. Будучи опытным моряком, агент адмиралтейства сразу определил причину – произошел разрыв якорной цепи. Это означало конец. Сейчас «Принц» понесется прямо к скалистому берегу, а там...

Подошедший к нему Гудель понял все без слов.

– Тем не менее мы сделали все, что могли, – сказал он. В его больших глазах стояли слезы. – Теперь каждый должен заботиться о себе. Давайте скажем экипажу правду.

Моментально скинув с себя верхнюю одежду, мужчина стал созывать матросов и офицеров. Отданный на растерзание волн корабль рванул прямо на скалы.

Сильный удар, сваливший с ног обезумевших людей, потряс судно, расколов его на части. Клокотавшее и бурлившее море с жадностью набросилось на добычу. Оно подхватило раненый «Принц», еще два раза бросив его на камни.

Через пятнадцать минут все было кончено...

Глава 8

Приреченск, наши дни

Дверь квартиры Вальцпруф опечатывать не стали. Ждали приезда сестры, которая, узнав о смерти Нонны, слегла с сердечным приступом. Другие родственники отдыхали за границей.

На душе Кати так и не стало легче. Она попыталась вернуться к разговору о хорошо спланированном убийстве, однако даже большой скептик Станислав Михайлович, поставив диагноз, больше ни о чем не хотел слышать, как, впрочем, Павел и Константин.

Катя, увидев их настроение и разгадав, что все связано с нежеланием взваливать на себя еще одно дело (бедняги и так зашивались), больше не приставала к мужу с вопросами.

Попытавшаяся внушить и себе подобные мысли, она уже через полчаса поняла: это ей не удастся. Чутье непрофессионального сыщика подталкивало девушку к работе. Зная, что инстинкт еще ни разу не подводил ее, Зорина сдалась, решив, как всегда, разобраться во всем сама. Может, оно и к лучшему, что полиция не будет путаться у нее под ногами?

Проводив мужа на работу, журналистка открыла сумочку, достав ключ, переданный ей Эммой Павловной, и, быстро переодевшись в джинсовый костюм, отправилась в квартиру Вальцпруф.

Что она хотела там найти? Именно сейчас Катя не была готова ответить на этот вопрос. Но однозначно там что-то было, раз детективное чутье гнало ее на третий этаж.

Дверь поддавалась легко, без скрипа.

Преодолевая нахлынувшее на нее чувство страха, журналистка прошла по коридору в большую комнату. Коробка с бережно хранимыми вырезками стояла на прежнем месте. Катя открыла ее, аккуратно выложив содержимое на стол, и, усевшись на диван, принялась внимательно читать. Старые, пожелтевшие газетные листы рассказывали ей о работе какой-то организации «ЭПРОН» и о бесплодных попытках искателей сокровищ достать со дня Черного моря бочонки с золотом – жалованье, предназначавшееся английским солдатам.

Зорина вспомнила произведение А. И. Куприна «Листригоны». Писатель утверждал, что балаклавским старикам было абсолютно точно известно, сколько богатства покоилось на дне: «шестьдесят миллионов рублей звонким английским золотом».

Так вез ли, в самом деле, злосчастный «Принц», романтически переименованный в «Черный», то самое золото, которое впоследствии будоражило умы?

Почему-то журналистка верила в это. На пустом месте никогда не возникнут слухи.

Закрыв глаза, девушка мысленно перенеслась на целый век назад.

Глава 9

Отрывки из книги Зориной. Москва. 1923 год

Феликс Эдмундович Дзержинский удивленно посмотрел на высокого стройного мужчину.

– Вы всерьез хотите заняться легендарными сокровищами? – иронично спросил он.

– Более чем.

Этот гражданин, так бесцеремонно ввалившийся к нему в кабинет, был не кто иной, как ученый Владимир Сергеевич Языков, долгие годы собиравший материал по «Черному принцу».

Положив перед «Железным Феликсом» потертую кожаную папку, он торопливо вытаскивал исписанные бумаги и карты.

– Здесь все по этому вопросу.

Дзержинский взял одну из карт.

– Это местонахождение корабля? Значит, вы действительно верите в существование золота?

– Разумеется.

Уверенный тон посетителя сделал свое дело. Гримаса недоумения на лице великого чекиста сменилась любопытством:

– Тогда как вы объясните факт, что до сих пор никто не нашел сокровища?

Владимир Сергеевич пожал плечами:

– У меня одно объяснение. Во-первых, искали не там, где надо. – Он провел рукой по лбу. – Во-вторых, на большую глубину, как известно, не спустишься без хорошего снаряжения. Бедные итальянцы со своим аппаратом «Рестуччи» никак не могли претендовать на лавры первооткрывателей местонахождения корабля. Странно, как они вообще что-то выудили.

Феликс Эдмундович щелкнул пальцами:

– И тем не менее они видели пароход.

Языков покачал головой:

– Сомневаюсь. Знаете почему?

Чекист подался вперед.

– Да потому что с их легкой руки пошло предание о найденных буквах «ск» и «рг». А между прочим, их итальянцы никак не могли обнаружить.

Дзержинский поднял брови:

– Какой смысл им лгать?

– Не знаю, – секунду помедлив, отозвался собеседник. – Может быть, они хотели до поры до времени сбить с толку остальных охотников за сокровищами.

– И что не так в буквах?

Исследователь охотно пояснил:

– «Ск» и «рг» – якобы оставшееся от названия «Black prince» – «Черный принц». Однако пароход именовался просто «Принцем». «Черным» его окрестила людская молва. Откуда, спрашивается, «ск»?

Феликс Эдмундович кивнул:

– Логично. Значит, вы уверены, что достанете деньги?

На лице Языкова отразились колебания, но он дал четкий ответ:

– Уверен.

– Отлично. – Встав с кресла и заложив руки за спину, Феликс Эдмундович стал мерить шагами кабинет. – А почему наши друзья-англичане столько лет не пытались организовать поиски? Неужели захотели поделиться с нами?

Владимир Сергеевич побагровел. Этот вопрос не давал ему покоя в течение нескольких месяцев.

– Скорее всего, они тоже ждут своего часа, – наконец изрек он. – Кстати, ни одна английская газета того времени не опровергла существование золота. И потом, никто с абсолютной точностью не может ответить, точно ли дети Туманного Альбиона не удили в Балаклавской бухте.

Дзержинский остановился у окна, глядя, как холодный осенний ветер срывает с деревьев пожелтевшие листья. На вытянутом худом лице отразилось колебание.

– Будь по-вашему, – решил он. – Набирайте экспедицию. Мы обеспечим вас всем необходимым. Однако, – чекист секунду помедлил, – вы отвечаете за последствия, – это было произнесено таким металлическим голосом, что по телу Языкова пробежала дрожь. – В это тяжелое время страна нуждается в деньгах, и мы не можем запросто их разбазаривать. Надеюсь, вы поняли, о чем я?

Владимир Сергеевич радостно кивнул.

– Чем мы хуже ныряльщиков, доставших со дна золотые монеты?

Когда за посетителем захлопнулась дверь, Дзержинский, усмехнувшись, заметил:

– Думаю, мы не пожалеем. Эта экспедиция будет полезна во многих отношениях. Мало ли в Черном море затонувших кораблей? Водолазам работы хватит.

Он потянулся к телефонному аппарату:

– Соедините меня с Мейером. Здравствуйте, Лев Николаевич. Дзержинский беспокоит. Нет, ничего не случилось. Хочу предложить вам подготовить одну любопытную экспедицию. Да, в кратчайшие сроки. Летом она должна начать работать.

Помощник начальника Особого отдела Лев Николаевич Мейер, узнав, что хочет от него «Железный Феликс», рьяно взялся за дело. Вызвав к себе Языкова, он поинтересовался:

– Кто, кроме вас, будет участвовать в проекте?

Исследователь без колебаний ответил:

– Карпович и Даниленко.

– Как планируете спуститься на дно?

Владимир Сергеевич положил перед ним лист бумаги:

– Это чертежи глубоководного снаряда, изобретенного Даниленко.

– Любопытно. Похоже на колокол.

– Это и есть подводный колокол, – кивнул энтузиаст, – в нем могут поместиться три человека. Аппарат опускается на глубину до восьмидесяти саженей. По этому шлангу подается воздух. Кроме того, шланг служит вентиляцией. Есть даже внутреннее освещение и телефон.

– А это что? – Мейер ткнул пальцем в длинные железные приспособления по бокам. – Руки?

Исследователь улыбнулся:

– Вот именно.

Лев Николаевич почесал затылок:

– И сколько времени уйдет на создание этой диковинной конструкции?

Языков с готовностью пояснил:

– Если начнем сейчас, то сможем запустить его, в крайнем случае, в начале осени. Но мы тоже не собираемся бездельничать. Я и остальные члены экспедиции планируем выехать в Балаклавку уже весной.

Чекист улыбнулся:

– С удовольствием поеду с вами.

Владимир Сергеевич согласно кивнул:

– Вы теперь с нами на долгое время. Как и товарищ Шаткин, наш негласный замполит.

Видите, я в курсе всего.

– Наша экспедиция должна начать работу до того, как закончат постройку снаряда. – Мейер, собравший членов «ЭПРОНа» («Экспедиция Подводных Работ Особого Назначения»), проводил с ними первое собрание.

– Нам нужно определиться с датой выезда в Балаклаву. Как вы думаете, когда будет готово ваше чудо техники? – обратился он к Евгению Григорьевичу Даниленко.

Изобретатель подводного аппарата с готовностью ответил:

– Чертежи уже отосланы на завод. Крайний срок выпуска – сентябрь. Так, по крайней мере, мне сказала руководство.

Лев Николаевич задумался:

– Значит, приблизительно середина июля.

– Нужно сделать запрос в архив, – подал голос Владимир Сергеевич. – Пусть нам укажут точное место гибели «Принца».

– Обязательно сделаем.

Однако, забежавшись по делам, Мейер забыл про запрос.

«Ничего, – утешил он себя. – И вообще, зачем связываться с архивами? Все равно мы поселимся в Балаклаве. А там еще живы свидетели событий. От них мы и узнаем местонахождение корабля».

Глава 10

Балаклава, 1923 год

Как только стало известно, что корпус глубоководного снаряда уже практически готов и будет доставляться на месте, эпроновцы, дождавшись сообщения с завода «Парострой» о выходе платформы с корпусом аппарата в Севастополь, выехали следом. В середине июля, как и планировал Лев Николаевич, начались подготовительные работы.

– Тебе я поручаю найти очевидцев событий, – обратился руководитель к Дмитрию Карповичу на следующий день после приезда.

– Будет сделано.

Дмитрий сработал действительно оперативно. Для поисков старожилов не пришлось бегать по Балаклаве. Местные, дочерна загорелые мальчишки указали мужчине на ветхий домик.

– Здесь живет дедушка Мирон, – объяснили они ему. – Он знает все на свете.

– Но гибель «Принца» он точно видел?

– А то как же? Если вас интересует место, где он затонул, мы и сами можем показать, – предложил свои услуги белобрысый паренек лет четырнадцати, сверкая улыбкой.

– А вы откуда знаете?

Детям Карпович не доверял. Видя это, мальчишки поспешили его заверить:

– Мы, между прочим, каждый день ныряем. Уже несколько золотых монет отыскали. Хотите посмотреть? Только они у меня дома.

Эпроновец почесал затылок. С одной стороны, дорога каждая секунда, и его товарищи ждут на берегу, с другой – ну как упустить из виду такой важный факт, как нахождение английских монет? Наверняка Мейер останется недовольным.

Подумав об этом, Дмитрий кивнул мальчишке:

– Беги. Я тебя подожду.

Постреленок замялся:

– Дядя, а вы не могли бы пойти со мной? А то меня мамка заругает и большие на улицу не пустит. Я сегодня утром должен был огород вскопать.

Карпович рассмеялся:

– А чего же не вскопал?

– Дела. – Подросток ответил с таким важным видом, что эпроновец еле подавил смех.

– Пойдем. – Он провел рукой по выгоревшим волосам пацана. – Не дадим тебя в обиду.

Данилка, тринадцатилетний балаклавский мальчишка, жил в покосившейся мазанке с матерью и младшей сестрой. Его отец погиб в Гражданскую, и вся мужская работа легла на плечи ребенка.

Впрочем, судя по всему, он не был против. Сознавая себя главой семьи и гордясь этим, он лишь в редкие минуты сбегал на море или в горы с приятелями.

Поиски легендарного корабля стали неотъемлемой частью его жизни. И неудивительно. Обломки, монеты, все, выуженное со дня морского, приносило доход. Приезжие охотно покупали сувениры, не проверяя, действительно ли та или иная щепка когда-либо принадлежала «Черному принцу».

Мать знала о промысле сына, тревожилась, отпуская его понырять, но ее наставления были не слишком строгими. В голодное время это давало возможность выжить. Вот почему

она восприняла известие о том, что Данила хочет отдать приехавшим из столицы исследователям две золотые монеты, без радости.

Маленькая, рано постаревшая от горя и забот, женщина суетилась возле мальчика:

– Не надо этого делать.

Подросток смутился:

– Что ты такое говоришь, мама? Эти монеты помогут найти местоположение корабля.

– Думаешь? – Она не верила в рассказ сына о научной цели экспедиции. До этих мужчин из Москвы кто только не охотился за кораблем в надежде быстрого обогащения. – Ты уверен, что они не продадут их? Знаем мы этих исследователей.

– Мама! – Бросая отчаянные взгляды на Карповича, смущенно топтавшегося на пороге, Данила перешел на шепот: – У них самая современная аппаратура. Они, в конце концов, и сами найдут кучу золота.

– Вот и отлично, – обрадовалась женщина. – Твои деньги им не сделают погоды. Да еще неизвестно, с «Принца» ли они. Ты сам мне говорил, сколько парусников покоится в нашей бухте.

Однако глава семьи настоял на своем, и монеты перекочевали в карман Дмитрия.

– Значит, вы с товарищами видели корабль? – спросил он мальчишку на прощанье.

Парень перекрестился.

– Как тебя сейчас.

Дмитрий оживился:

– Место покажешь?

– Пойдем.

Балаклавский житель подвел его к краю обрыва:

– Вон тот камень видишь? От него две сажени отмерите – и ищите.

Эпроновец на всякий случай аккуратно занес полученные сведения в записную книжку и отправился к деду Миرونу.

Он застал старика за работой в маленьком огороде. Просоленный и просмоленный бывший рыбак охотно принял гостя:

– О гибели «Принца»? Отчего ж не рассказать? До сих пор стоит перед глазами.

Он неторопливо вытер руки о грязное полотенце.

– Давай в дом зайдем, – предложил старик гостю. – В ногах, знаешь, правды нет.

Карпович начал отказываться:

– Я ненадолго, Мирон Васильевич.

– Проходи, проходи.

В маленькой комнатке пахло полевыми травами.

– Садись, чаю попьем. – Мирон Васильевич подтолкнул гостя к столу. – Мед у меня просто заправский.

Через минуту перед Карповичем стояли несколько тарелок с вареньем и медом.

– И хлеб попробуй. – Хозяин подвинул к нему деревянную мисочку. – Христиан пек. Обедение.

Дмитрий начал протестовать:

– Дедушка, я же не обедать к вам пришел.

Старик ничего не хотел слышать:

– Обидишь. Мой рассказ никуда от нас не убежит. А чая такого ты еще не пил.

Сделав глоток ароматного, настоящего на травах напитка, эпроновец признал его правоту:

– Вот тут ты прав. В Москве я такого не пил.

Его комплимент растрогал старика:

– То-то же.

Мед, хлеб и несколько сортов варенья тоже оказались необычайно вкусными.

– Ты, дедушка, знатный кулинар.

Мирон Васильевич с тоской посмотрел на свои черные задубелые руки:

– Жаль, старьёй стал, рыбку уже не ловлю. – Он откусил кусочек хлеба. – А то бы тебя и вялеными бычками побаловал, и ухой из кефали. Пальчики оближешь.

– Охотно верю.

– Однако ты пришел по делу, – спохватился хозяин, наливая себе чая. – Опять этот проклятый «Принц» покоя не дает. Чай, вы не слышали, что итальянцы ничего не нашли?

Карпович махнул рукой:

– Слышали, слышали. – Он положил себе меда. – Они ничего не нашли, а мы найдем.

Видел бы ты наше оборудование.

Дед радостно улыбнулся:

– Вот это хорошо. А гибель его я действительно наблюдал. – Тыльной стороной ладони он вытер обветрившиеся губы. – В тот день знатная буря разыгралась. Такой больше не было.

Мирон Васильевич принялся подробно рассказывать, и Дмитрий его не перебивал.

– Значит, стукнуло его три раза о камни... – старик махнул рукой, – и пошел красавец ко дну, не оставляя бедным морякам шансов на спасение. Всего лишь семерым удалось справиться с волнами. – Он хитро улыбнулся. – Я тогда мальчонкой был лет десяти. Дом моих родителей стоял недалеко от обрыва. Вот к нему и привел английский мичман, не помню, как его звали, целевших матросиков. Я по-ихнему слова не понимал, однако уловил, о чем речь идет. Они и место гибели показали.

Дмитрий затаил дыхание:

– Так где, дедушка?

– Пойдем к обрыву.

Старик резво вскочил на ноги. Следом поднялся и Карпович.

– Спасибо вам за угощение.

– На здоровье.

Мирон Васильевич показал то же место, что и балаклавские мальчишки.

– А вы не боитесь? – задал он на прощанье неожиданный вопрос.

Эпроновец сначала не понял, что имел в виду дед.

– Нисколько. У нас прекрасное снаряжение. Безопасность работ обеспечена.

Старьёй рыбацк пожал плечами.

– Знаешь, – он как-то загадочно посмотрел на Дмитрия, – говорят, что, если море не отдадо сокровища сразу, оно их не отдаст никогда. «Принц» покоится в Балаклавской бухте уже почти семьдесят лет. Думаешь, кроме итальянцев, больше не было желающих достать эти пресловутые деньги? Я помню с десяток искателей приключений. И кое у кого тоже было снаряжение.

Карпович растянул в улыбке губы:

– Но не такое современное, как у нас.

– Верно, не такое. – Мирон Васильевич следил за полетом чайки. – Многие ныряльщики погибли. И все из-за того, что покусились на собственность моря. Это сокровище принесет несчастье, вот что я хотел сказать. Помните об этом.

Эпроновец только рассмеялся про себя.

– И все же я предлагаю разбить бухту на квадраты, – сказал главный штурман и помощник начальника базы Антон Никитич Григорьев, выслушав рассказ Карповича. – Мы знаем: все сходятся на одном – был сильный шторм. «Принца» могло отнести в сторону.

Начальник плавучей базы Феоктист Андреевич Шпакович согласился с подчиненным:

– Пусть тральщики там ищут. Пока не готов наш снаряд, без их помощи мы не обойдемся.

На следующий день несколько военных тральщиков исследовали дно и произвели промеры глубин. Гидроплан и аэростат, сверкая на солнце серебряной краской, вели фотосъемку грунта. Водолазы под руководством Шпаковича несколько раз опускались на дно, споровождаясь восторженными криками местных жителей.

– Скорее бы в наше распоряжение предоставили твой аппарат, Женя, – говорил Даниленко Феоктист Андреевич после каждого погружения. – Уж больно там большая глубина. На этих чертовых снимках мало что разглядишь.

Долгожданное событие произошло второго сентября. Под громкие хлопки членов экспедиции Даниленко погрузился на двадцать шесть саженей.

– Да там кладбище кораблей, – заявил он, поднявшись на поверхность, – у нас уйма работы, ребята.

С этого дня эпроновцы не знали ни минуты покоя. Чаепитие в тихие безветренные вечера, купание в кристально чистой воде, ухаживание за балаклавскими молодухами – все отошло в прошлое. Охваченные небывалым азартом, люди не чувствовали усталости.

Аппарат Даниленко действительно произвел революцию в подводном деле. Через несколько дней инженер рискнул опуститься на глубину девяносто пять метров, а потом – на сто двадцать три.

Отважным мужчинам удалось исследовать множество обломков кораблей, однако «Принца» среди них не было. Он словно провалился сквозь землю.

Полтора года пролетело как один день. Группа подняла на поверхность множество предметов, а также мелких судов.

Это не поднимало настроения. Теперь Мейер жалел, что не уточнил в архивах точного местонахождения парохода.

– Каковы будут предложения? – интересовался на каждом собрании Шпакович.

Языков предложил увеличить штат при помощи молодых водолазов.

Все согласились.

Ученики водолазной школы под руководством доктора Павловского Вадим Митрофанов и Сергей Сазонов, впервые опустившись на большую глубину во время тренировочного спуска, с восхищением смотрели на подводный мир. Серебристые стайки ставриды кружили возле них. Темно-зеленые водоросли мягко колыхались на заросших камнях.

Завороженные красотой открывшейся им неведомой страны, водолазы медленно продвигались по дну. Непонятное препятствие выросло перед ними в виде черного незнакомого предмета.

Оттолкнувшись от грунта, Вадим подплыл ближе и постучал по нему рукой. Сергей последовал его примеру. Оба удивленно переглянулись. Никто из парней не имел понятия, что за машина, облепленная мидиями и водорослями, покоилась на дне морском. Вадим подал знак подниматься на поверхность.

– А ведь это паровой котел старой конструкции, – пояснил Даниленко, когда эпроновцы вытащили предмет на берег и внимательно осмотрели.

Сердце Шпаковича радостно забило: «Ну же!»

– Готовим аппарат к погружению, – дал он команду.

Поиски привели к обнаружению крупного судна, похороненного под обломками скалы.

Экспедиция собиралась праздновать победу.

– Рано, – предостерег их Владимир Сергеевич. – Нужно посоветоваться со специалистами. Все же здесь кладбище судов.

Однако хорошо сохранившаяся мачта из тикового дерева не оставила сомнений: перед ними загадочный корабль, нашедший вечный покой у балаклавских берегов.

Долгожданная находка прибавила работы. С утра до вечера члены экспедиции доставали из-под обломков останки парохода.

Обрушившаяся скала затрудняла поиски, но энтузиазм не шел на убыль. Легендарное золото не давало покоя, будоража воображение.

Когда обломки сантиметр за сантиметром были исследованы, стало ясно: никаких сокровищ нет и в помине.

Любому человеку вне зависимости от характера всегда трудно расставаться с заветной мечтой. Именно поэтому эпроновцы искали золото до декабря. Лишь сильные штормы заставили их прекратить работу. И все же никто не желал сдаваться.

– Надо запросить наше представительство в Лондоне, – принял решение Мейер. – Пусть подтвердят или опровергнут наличие денег.

Леонид Борисович Красин так и сделал, но это им не помогло.

Англичане ответили уклончиво – ни да, ни нет.

Немного поразмыслили и решили свернуть работы. Тайна пресловутого парохода осталась на дне.

Глава 11

Приреченск, наши дни

Словно очнувшись после короткого, но глубокого сна, Катя встала и засобиралась домой. Нужно было приготовить ужин любимому мужу, который обожал голубцы и мог поглощать их в больших количествах.

Зорина проконсультировалась у свекрови, помня о том, что каждый мужчина, ну, или почти каждый, хочет, чтобы его жена готовила так же, как мама, и та успокоила ее, сказав, что Костик любит просто голубцы, рецепт тут ни при чем. Вот долма ему почему-то не нравилась. Наверное, виноградные листья были не такими нежными, как капустные, или давали кислинку, нехарактерную для обычных голубцов.

Катя порадовалась такому пристрастию Скворцова. Он любил обычное блюдо, не требовавшее для приготовления много времени или изысканных продуктов. Фарш она накрутила еще с утра, сейчас вернется, обдаст горячей водой капустные листья, слегка отварит рис – и практически блюдо готово.

Она улыбнулась, представив радостный взгляд супруга, и, потянувшись, шагнула к двери, нечаянно задев огромное зеркало в прихожей.

Наверное, обычный тетрадный листок в клеточку выпал именно тогда, спикировал ей под ноги, и она, вздрогнув, бережно взяла его. На нем большими буквами было написано только одно слово – «кошелек».

В принципе ничего необычного, Нонна Михайловна вполне могла оставить себе напоминание. Может быть, старушка часто забывала кошелек и потом возвращалась за ним?

Но какое-то шестое чувство подсказало журналистке, что это слово имеет отношение к расследованию. Во всяком случае, следовало проверить. И вообще, нужно узнать поподробнее о семье этой Нонны Михайловны, а еще покопаться в Интернете и прочитать все материалы, касавшиеся загадочного корабля.

Сложив листок вчетверо, Катя толкнула входную дверь.

Глава 12

Владивосток, 1932 год

Мио Сузука вальяжно прогуливался по набережной, тревожно поглядывая на сероватую воду Тихого океана. Настроение не было праздничным. Он лишь недавно открыл свою фирму по поднятию судов, используя бесценный опыт «Синкай Когиссио Лимитед», где проработал тринадцать лет.

Уходя из компании и пускаясь в свободное плавание, Мио боялся: прежние место его работы знали все, от заказов не было отбоя.

«Придется покрутиться», – сказал себе он, думая, как развернуть рекламную деятельность.

По привычке его взоры обратились к Советскому Союзу. Вот где стоило еще раз попытаться счастья.

Начавший следить за всеми событиями, происходящими в мире, Сузука с удовлетворением хмыкнул, когда услышал: у берегов Дальнего Востока затонула подводная лодка.

Быстро собравшись, он рванул во Владивосток, надеясь предложить свои услуги.

Здесь его постигло разочарование. Японец еще не научился быстро решать свои дела, и его нещадно гоняли из одной конторы в другую.

Проматавшись таким образом около трех дней, Сузуки уже готов был сдать, когда его вдруг остановил в одном из коридоров организации, ведавшей подобными делами, высокий черноволосый человек.

– Вы мистер Судзуки? – спросил он, протягивая руку.

Зная об этой русской традиции, Мио пожал ее.

– Да. – Будучи тогда в Союзе, он неплохо выучил язык.

– Очень рад вас видеть, – мужчина улыбнулся, – моя фамилия Викторов. Мы не могли бы с вами поговорить?

– А по какому вопросу? – Сузуки не верил своему счастью.

Может, кто-то услышал о его предложениях и наконец заинтересовался?

Викторов прищурился:

– Насколько я знаю, когда-то вы участвовали в экспедиции по изучению «Черного принца» вместе с «ЭПРОНОм»?

Японец засиял:

– Да.

Русский кивнул:

– Возможно, организации, которую я представляю, понадобятся ваши услуги. Теперь, насколько я понял, у вас собственная компания?

– Да.

– И расценки будут ниже, чем в «Синкай Когиссио Лимитед»?

Мио неприятно поморщился, но ответил утвердительно. Разумеется, его фирма еще себя не зарекомендовала. Это, естественно, отразится на ценах. Что ж, он готов.

– Да.

– Отлично. Давайте встретимся и поговорим подробнее. – Он приложил руку к воображаемому козырьку и повернулся к японцу спиной.

– Подождите! – Сузуки остановил его. – Скажите, какую организацию вы представляете и какого рода услуги я могу вам оказать?

Викторов откашлялся:

– Давайте поговорим при встрече. Жду вас сегодня в ресторане «Шанхай» ровно в восемь часов.

На этом он раскланялся, оставив Мио в полном неведении. Однако наконец родилась надежда на заработки.

Достав из кармана швейцарские часы, Сузуки мельком взглянул на них. Стрелки показывали четыре.

Решив посвятить свободное время прогулке по городу, японец неторопливым шагом направился в маленький сквер, который давно заметил. Немного прогулявшись, он развалился на выкрашенной в зеленый цвет деревянной скамейке, задумчиво глядя вдаль.

Этот человек, Викторов, слышал о его работе в «Синкай Когиссио Лимитед», хотя с тех пор прошло десять лет. Какое было время!

Откинувшись на спинку, Сузуки, закрыв глаза, предался воспоминаниям.

Что ни говори, а представитель японской водолазной фирмы Като мог учуять сенсации за километр.

Услышав о «Черном принце», он, недолго думая, рванул в Главконцесском, сделав ему предложение войти в компанию с «ЭПРОНОм».

Русские ответили согласием. За два года до этого «Синкай Когиссио Лимитед» удачно разгрузила английский корабль, затонувший, кстати, с грузом золота.

– Мы работали на глубине сорок саженей, – вкрадчиво шептал Като. – Ни у кого в мире нет таких возможностей.

– Может, наше начальство и право, – задумчиво проговорил Языков, узнав об этом.

Даниленко сузил глаза:

– Считаете, мы недостаточно хорошо поработали?

Владимир Сергеевич пожал плечами:

– Не знаю, что и ответить. Вполне возможно. Кроме того, у нас действительно не было и нет такого оборудования. Сейчас японцы первые в мире.

Инженер хмыкнул:

– Неплохо было бы полюбоваться их знаменитой маской.

– Да, кстати, на каких условиях наше начальство собирается с ними договариваться?

Языков смутился:

– Я бы на их месте попросил оплатить все расходы, которые мы понесем, а в случае удачи, ну, если японцы все же отыщут золото, пусть отдадут Советскому Союзу большую часть. Как-никак мы пускаем их работать на нашей территории.

Как сообщили потом эпроновцам, именно на таких условиях и был подписан договор между ними и японской фирмой. Вообще-то, как считал Сузуки, его коллеги могли и торговаться, однако дело осложнилось тем, что Като торопился заключить какой-либо контракт.

Бедняга, ведя разгульную жизнь и ни в чем себе не отказывая, промотал в Москве огромные деньги. Отец, недовольный данным обстоятельством, сообщил беспутному сыну: мол, больше не надейся на мою финансовую поддержку. Предприимчивый коммерсант, почесав за ухом, принялся изыскивать другие источники дохода. Вот почему, услышав об английском золоте, он не мог больше думать ни о чем другом.

– У меня просто нет выхода, – жаловался он Мио, когда они уже начали работы по поиску корабля. – Кажется, мой старик во мне разочаровался. Я полгода бродил по Москве, занимаясь всем, чем угодно, только не получением концессии на рыбные промыслы, о чем про-

сил меня папа. Теперь мне нельзя возвращаться домой без денег. Он просто сделает мне ха- кири.

Нужда заставила Като убедить в своей правоте мистера Катаоки – директора и пред- ставителя водолазной фирмы.

В марте 1927 года он прибыл в Москву с инженером и водолазами.

Лев Николаевич, удивленно посмотрев на эту малочисленную группу, поинтересовался:

– Это весь ваш состав?

Японец сощурил и без того узкие глаза, ответив на безукоризненном английском:

– Ошибаетесь. Нас восемнадцать человек плюс переводчик. Все они приедут в Москву после заключения договора и, кстати, привезут с собой водолазное имущество. Мы посчитали излишним брать все сейчас.

Мейер кивнул:

– Мы думали, вы уже начнете осмотр местности.

Катаока покачал головой:

– Мы действительно готовы. Самое необходимое для этого у нас есть.

Руководитель «ЭПРОНа» отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Ему не терпелось прове- рить хваленые возможности представителей Страны восходящего солнца.

– О материальных вопросах мы еще поговорим, – проговорил директор фирмы. – Нельзя сказать, чтобы этот вопрос не волновал меня, но... Давайте мы сначала осмотрим место гибели парохода.

Лев Николаевич не стал возражать.

– А это уж как вам будет угодно. Скажите, вы действительно рассчитываете там что-то найти?

Спросив об этом, он сам испугался своей откровенности. Хитроумный маленький чело- вечек мог прочитать между строк лишнее, а именно недоверие к будущим поискам, и дать задний ход.

Однако этого не случилось. Растянув в улыбке тонкие губы, Катаока пробормотал:

– Вы же не будете отрицать, что наша техника обогнала вашу на несколько десят- ков лет? Кроме того, в подъеме ценностей со дна морского мы собаку съели. Да что я вас убеждаю, вы сами посмотрите. Я просто горю желанием продемонстрировать вам наши возможности. Что же касается других вопросов... Разумеется, нам важно вернуться не с пустыми руками. В это дело вложены деньги многих финансовых воротил, которые не желают остаться без прибыли.

Лев Николаевич скривился, как от зубной боли. В таком случае, он правильно поступил, когда сказал японцу то, что думает по этому поводу. Если есть люди, заинтересованные, да еще более чем, в нахождении сокровищ...

Однако японец и тут поспешил его разуверить:

– В случае убытка они не будут проклинать день своего рождения. Мы против мелоч- ности. Это визитная карточка нашей фирмы. Кроме того, зачем думать о плохом? Давайте надеяться на хороший результат. – Порывшись в черном кожаном портфеле, он извлек из него несколько белых конвертов. – Вот. Держите. Не хочу быть голословным.

Мейер с удивлением взял предложенные конверты:

– Что это?

– Рекомендации нашей фирмы. Их давали солидные японские банки и лидер партии, сочув- ствующей СССР.

Лев Николаевич развел руками:

– Но...

Японец покачал головой:

– Меня интересует дата нашего отъезда. Не терпится поскорее прибыть в Балаклаву.

На место гибели «Принца» они приехали в апреле. Пораженный красотой Балаклавской бухты, Сузуки несколько секунд стоял неподвижно, с удовольствием вдыхая полной грудью.

Чистый морской воздух был наполнен ароматами цветущих плодовых деревьев. Морская вода, такой голубизны, какой он никогда доселе не видел, омывала белые валуны у берега. Суровые скалы желтели вдалеке.

– Это мыс Айя. – Шпакович показал на высокую гору слева. – Мы с вами обязательно там побываем. Красота неопишная.

Один из японских водолазов, глядя на аквамариновую гладь, не выдержал:

– А водичка теплая? Искупаться можно?

Шаткин пожал плечами:

– На любителя. Некоторые и зимой предпочитают нырнуть в море.

Катаока недовольно взглянул на говорившего:

– Мы приехали сюда работать. Сейчас все искипаем. Разгрузайте оборудование.

Через полчаса инженер и техник фирмы, спустившись на дно, обследовали развалины корабля.

– Это труднее, чем мы думали, – констатировал Като, выслушав водолазов. – Оказывается, корабль находится под скалой, а его корпус засыпан ее обломками.

Директор поинтересовался их весом.

– Думаю, тонн шестьдесят, – ответил инженер.

Эпроновцы не слышали своих коллег. Они во все глаза смотрели на диковинную водолазную маску.

Надо сказать, было чему удивиться. В то время только японский водолаз мог спуститься на глубину пятьдесят саженей, и это при том, что маска надежно закрывала только глаза и нос. Рот и уши оставались открытыми.

– Я думал, конструкция солиднее, – заметил Даниленко.

Катаока усмехнулся:

– Вы, русские, привыкли окружать себя броней. А мы поняли: все дело в особом дыхании. В такую маску по шлангу накачивается воздух. Наши водолазы вдыхают его носом и выбрасывают в воду. Вот в чем секрет длительного нахождения под водой.

Исламбеков толкнул локтем товарища:

– Усек, как они прыгают? Вниз головой.

Шаткин протянул руку:

– Можно посмотреть?

Като дал ему маску без всяких опасений.

– Берите. Но не пытайтесь примеривать.

Михаил Андреевич с интересом рассматривал толстое овальное стекло в никелированном ободке, иронически заметив:

– Боитесь, что не вернем или специально выведем из строя?

– Они рассчитаны на наших людей, – пояснил Катаока. – Для вас, русских, погружение в такой маске может быть опасным.

Несколько пар глаз уставились на японца.

– Это почему же? – недоверчиво спросил Даниленко.

– Потому что, – как маленькому ребенку, растолковал ему человек, – потому что вы слишком... эээ... эмоциональны и рассеяны. Задумаетесь в самый неподходящий момент и откроете рот, а этого делать категорически нельзя. Смертельный исход гарантирован.

Шаткин подмигнул эпроновцам:

– Ну, коли так... Убери ты эту гадость подальше. – И, обернувшись к своим друзьям, прошептал: – А все-таки у вас есть чему поучиться.

После нескольких дней пребывания в Балаклаве Сузуки не мог не согласиться с мнением, что русские – очень любознательный и упорный народ. Они буквально пожирала глазами своих японских коллег, особенно когда те проводили работы под водой.

После погружения представителей фирмы на морское дно в целях обследования подводной лодки, затопленной в 1920 году, они ощупывали водолаза, смотря на него, как на героя.

Подумать только, этот маленький желтый человек за полторы минуты исследовал объект, а через две уже рисовал его на листке бумаги.

Доктор Павловский прищелкнул языком:

– Вот тебе и правильное дыхание. И никаких признаков кессонной болезни.

Мейер усмехнулся:

– Может, они и отыщут это пресловутое золото.

На следующий день началась работа над «Черным принцем». Вместе со своими товарищами Сузуки по несколько раз опускался на дно, исследуя останки легендарного корабля.

В ходе этих работ японцы сделали одно неприятное открытие. У парохода отсутствовала средняя часть.

– Как думаете, что это значит? – спросил их Катаока за ужином.

Мио пожал плечами:

– Вы полагаете, там могло находиться золото?

– А почему бы нет?

Заявление директора не прибавило оптимизма.

– Значит, русские нас дураят? – заметил переводчик. – Значит, эпроновцы – просто хорошие актеры?

Катаока пожал плечами:

– Они ничего не теряют. В случае неудачи мы оставляем им всю технику да еще оплачиваем их труды. На таких условиях каждый согласился бы работать.

Водолазы опустили головы. Подобная мысль была им неприятна.

Директор решил разрядить обстановку:

– Возможно, я ошибаюсь. Золото может находиться на корме, а она в целостности и сохранности. Вы заметили, что на носу сохранилось даже несколько иллюминаторов?

Като просиял:

– Так вы намерены подписать договор?

Катаока приосанился:

– Я не привык отступать. Но и вслепую работать не хочется. Надо поговорить с русскими.

Утром он отправился к Мейеру, застав Льва Николаевича за столом. Тот любезно предложил чая японскому коллеге.

– Спасибо. – Катаока взял в руки чашку. – Вчера я и мои люди много думали о подписании контракта.

Мейер напрягся:

– И что?

– Нас волнует один вопрос: где средняя часть корабля?

Лев Николаевич, подавившись чаем, закашлялся:

– Вы подозреваете нас в мошенничестве? Полагаете, мы давно подняли со дна золото, а теперь нацелились на вашу хваленую технику? Уверяю вас, так низко мы еще не пали и понятия не имеем, куда вдруг делась эта часть судна.

Японец отвел взгляд:

– Допустим, вы правы. Давайте подойдем к этому с другой стороны. Что бы ни было, а средняя часть отсутствует. Возможно, золото было именно там. Получается, мы рискуем (вы же не можете не согласиться, что наши люди идут на риск) при нулевых шансах на успех.

Чекист отставил чашку:

– То есть вы не будете подписывать контракт? Зачем же ходить вокруг да около? Мы можем информировать начальство прямо сейчас.

На желтом лице застыл испуг. Реплика попала в цель.

– Мы не привыкли отступать.

Лев Николаевич улыбнулся. Он давно раскусил чванливого японца.

– Разумеется, вы заберете славу, – сказал он. – О вашей фирме и так знает весь мир. Дело «Черного принца» принесет вам небывалую известность. Подумать только, сколько желающих достать это пресловутое золото погружались в морские пучины – и безрезультатно. Между тем как вы...

Комплимент также попал в цель. Катаока заулыбался: да, что ни говори, а репутация превыше всего.

На следующий день он выехал в Москву для подписания договора.

Итак, японская фирма обязалась выплатить «ЭПРОНу» сто десять тысяч рублей за работы и поделить поднятое золото таким образом: шестьдесят процентов получал «ЭПРОН», а сорок – компания Страны восходящего солнца. Но больше всех порадовал советских водолазов пункт, в котором говорилось, что их восточные коллеги передают по одному экземпляру каждого предмета снаряжения в их безвозмездное пользование.

После подписания договора Катаока, собрав прибывших с ним водолазов, сказал:

– В ближайшие дни выезжают восемнадцать человек во главе со старшим инженером Уэки. После этого мы тотчас приступаем к работам.

Сузуки помнил счастливые лица коллег. Золото «Черного принца» не давало покоя. Все горели желанием поскорее начать обследование парохода. Азарт охватил их так же, как и эпроновцев.

Вот почему Уэки с командой не заставили себя ждать и 15 июля состоялось первое погружение.

Мио видел, как советские водолазы подходили к Катаока, предлагая свою помощь, однако тот наотрез отказался:

– Я так полагаю, мы ведем дело самостоятельно.

Разумеется, это не означало полной секретности. И вообще, без русских во многих вопросах им было не обойтись. Доктор Павловский и Шаткин закупили для японцев четыре тонны риса.

– Это наши привычки, – пояснил Уэки.

Сузука помнил, с каким воодушевлением началась работа. Громадные каменные глыбы, скрывавшие тайну корабля, дрогнули под их натиском. Маленькие камни выносили на поверхность, а большие отводили в море специальной лебедкой.

Азарт японцев передался и русским. Даже самые скептически настроенные часами стояли на берегу, наблюдая, как энергично копошатся в воде желтые узкоглазые человечки в своих диковинных масках. Ежедневно всех участников экспедиции атаковали репортеры.

– Мы работали в полной тишине, – усмехнулся Даниленко. – А эти капиталисты и часу не могут прожить без рекламы.

Михаил Андреевич кивнул:

– Что делать! Без этого они не продержатся.

Мио также помнил, как азарт сменялся раздражением. С каждым днем Катаока терял авторитет. Охваченные золотой лихорадкой, водолазы не выполняли его распоряжений, действуя по своему усмотрению.

Когда же директор попробовал отчитать самого независимого из них, Вакино, тот огрызнулся:

– Наверное, я так же заинтересован найти золото, как и вы. Между прочим, если кто-то забыл, я напомню: я один из главных акционеров фирмы и в случае удачи получаю проценты.

Таким образом, несмотря на уважение и любовь подчиненных, Катаока постепенно смещался на второй план. Его место занял Вакино. В этом властном, уверенном японце с иссиня-черными волосами было что-то такое, что заставляло верить ему. Его приказания водолазы выполняли беспрекословно.

Кроме того, на проценты претендовали еще двое – Иси и Ямомато. Другие, в том числе и Мио, работали за жалованье, правда, неплохое, и обещанную большую премию, если находка будет поднята на поверхность. В свободное от работ время японцы болтали с эпроновцами, непрерывно задававшими вопросы. Некоторым из них все казалось в диковинку.

Исламбеков, указав на Вакино, с самодовольным видом прошептал мимо и не думавшего здороваться, поинтересовался:

– Чего это он такой? Насколько я понимаю, директор у вас Катаока.

Сузуки охотно объяснил:

– Он считает себя лучшим специалистом, и не без основания. Директору до него далеко. Странный русский никак не мог взять это в толк.

– И все же он не директор.

– Он акционер, – пытался растолковать ему водолаз. – Он в доле, понимаешь? При таком раскладе вовсе не обязательно занимать главенствующие посты.

По его мнению, Мухтар так ничего и не понял. Для советских людей было чуждо такое понятие, как рабочая буржуазия.

– А почему ваш начальник питается вместе со всеми? Вместе со всеми живет в частном доме? Вы же капиталисты.

Подобные вопросы вызывали смех.

– Так, по-твоему, капиталисты не такие люди, как все?

Исламбеков пожимал плечами. Теория классово-борьбы крепко въелась в его плоть и кровь.

– Вот Като живет в гостинице.

Мио пожимал плечами:

– У него бессонница.

Русский не верил:

– Только поэтому?

Похоже, понятие «капиталист» в Советском Союзе приравнивалось к понятию «инопланетянин», и это забавляло японцев.

Однако сейчас, по прошествии времени, Сузуки признавал, что советские водолазы с твердыми понятиями о субординации не были столь неправы. Как ни хорошо знал свое дело Вакино, он не мог раздвоиться и руководить всеми операциями, а это влияло на ход работ. Сколько ошибок они допустили вследствие этого! Но тогда, увлекаемые азартом, водолазы ничего не замечали.

Полмесяца, окрашенные золотой лихорадкой, пролетели как один день. 8 августа по настоянию Катаока их команда устроила торжественный обед, посвященный годовщине поднятия золота в Средиземном море.

Мио вспоминал: этот день ничем не отличался от остальных. Работа шла полным ходом.

Настроение омрачил несчастный случай, произошедший у него на глазах. Щуплый матрос Генди, захватив лебедкой глыбу средних размеров, принялся поднимать ее на поверхность.

Почему обломок скалы сорвался – осталось загадкой для всех. Как замороженные, наблюдали его коллеги за стремительно падающим, как метеорит, вниз камнем. Генди, на его несчастье, не сумел отбежать: все произошло быстро и неожиданно. Глыба стукнула его по спине, разодрав костюм и оставив глубокую рану. Это происшествие привело Катаока в ужас.

– Плохой знак, – сказал он Уэнди. – Это никак не должно было случиться в такой день. Может быть, нас предупреждают о том, что не надо было выходить на работу, может быть, – о том, что мы ничего не найдем.

Павловский, осматривавший раненого, похлопал Катаока по плечу:

– Ваше положение не так уж и плохо. Через несколько дней Генди будет в полном порядке. У нас в таких случаях говорят: родился в рубашке. По-моему, вам должно сопутствовать везение.

Катаока улыбнулся своей резиновой улыбкой:

– Мы не собираемся сворачивать работы.

– Вот и прекрасно.

Японец наморщил лоб:

– Что же касается обеда... пожалуй, вы правы. Жизнь моих людей мне дороже золота. Я устрою более торжественный обед, чем намеревался. Мы докажем всему миру, что цифра «восемь» – счастливая для нас.

Вечером в саду дома, в котором жили японцы, был устроен торжественный обед. Осторожный Катаока не пригласил никого из посторонних.

Сузуки заметил: как ни старались его коллеги продемонстрировать свое прекрасное настроение, их лица вовсе не излучали радость. Именно тогда в его душу закралось сомнение: есть ли на дне это проклятое золото, – сомнение, не покидавшее его до самого конца.

На следующее утро все снова были в боевой готовности. Работы по очистке корабля от камней подходили к концу. Вакино приказал поднимать части парохода, и при помощи лебедки огромный кусок борта с иллюминатором оказался на берегу.

Иси, торжествуя улыбаясь, воскликнул:

– Теперь оно от нас не уйдет!

Вера этого человека в сокровища на «Принце» просто поражала.

Мио помнил, как плясал водолаз, найдя на дне английские золотые монеты.

– Я без пяти минут богач!

– Что ты сделаешь со своими деньгами? – спросил его Сузуки.

Именно Иси подсказал ему идею, которой он воспользовался впоследствии:

– Открою подобную фирму. Ведь лучшие этого я ничего не умею.

Мио не стал его разочаровывать. Своими подозрениями он тогда ни с кем не поделился. Да и зачем? Кто из них сейчас может знать наверняка, есть ли на дне золото?

Первыми, кто стал открыто заявлять о неудачах японской фирмы в Балаклавской бухте, были английские и германские газеты.

Потрясаемая ими в воздухе, Като кричал, брызгая слюной:

– Эти олухи обвиняют нас в том, что мы не там ищем.

Вакино невозмутимо произнес:

– А как же те вещи, которые мы извлекли на поверхность?

Коммерсант сунул ему под нос пахнувший типографской краской листок:

– Читай. На это у них имеются свои возражения. Корабль, старательно расчищаемый нами от завалов, – вовсе не «Черный принц».

«Японцы сделали ту же ошибку, что и русские, – писала газета. – Они не пожелали как следует изучить исторические документы, для того чтобы точно определить местонахождение корабля. Вероятно, уверенные в своей непогрешимости, водолазы проигнорировали

сведения, полученные от итальянцев, дескать, при своей ужасной технике те ни в коем случае не могли найти затонувший пароход. Однако махнем рукой на русских. Широта их натуры известна так же, как и беспечность. Но японцы! Где их хваленые качества? Впрочем, они вроде бы что-то отыскали. Нет, не золото, а части какого-то судна. Что ж, пожелаем им удачи. На дне Балаклавской бухты еще много всякого хлама».

Увидев эту статью, Катаока схватился за сердце:

– Шакалы! Они подрывают авторитет нашей фирмы!

Окинув свою команду безумным взглядом, он произнес:

– Среди нас есть сомневающиеся в правильности выбранного пути?

Все молчали. По унылым лицам коллег Сузуки прочел: сомневающийся более чем достаточно.

Главное, было непонятно, почему же такой специалист, как Катаока, пренебрег возможностью лучше узнать о местонахождении «Принца»? Почему Вакино, Иси и Ямомато не подсказали ему?

Вероятно, чувствуя свою вину, директор фирмы громко воскликнул:

– Мы ведь не отступимся, правда? Мы еще докажем всему миру, на что способны.

Этот призыв был поддержан слабыми возгласами. Даже всегда оптимистично настроенный Като впал в состояние депрессии.

Несмотря на неудачи, японцы терпеливо продолжали делать свою работу и были вознаграждены.

Однажды в первых числах сентября везунчик Ямомато, в очередной раз опустившись на дно вместе с Сузуки и продолжая исследовать останки корабля, взмахом руки привлек его внимание.

Мио, не заставив себя ждать, через секунду стоял возле него. Водолаз указывал на ямку, оставшуюся на месте небольшого камня. В ней что-то блестело.

Сузуки подошел поближе. Тусклые солнечные лучи, пробиваясь сквозь толщу воды, осветили золотую монету.

Мио нагнулся, чтобы взять ее в руки, однако Ямомато остановил его и оказался прав.

Поднявшись на поверхность, они сообщили о находке Катаока. Глаза директора загорелись.

– Это английская монета?

– Да, – с готовностью ответил Ямомато. – Кажется, на ней был изображен всадник на лошади.

Лицо Катаока вытянулось:

– Это же Георгий Победоносец! Мы на правильном пути! Вы взяли ее?

Сузука отрицательно покачал головой:

– Нет.

Директор кивнул:

– И правильно сделали. После всей этой газетной шумихи нас могут обвинить в том, что мы ее попросту подкинули, и акции нашей фирмы не только не поднимутся, а упадут в цене. Пригласите ко мне доктора Павловского.

Услышав о находке, доктор примчался со скоростью звука. С силой дернув дверную калитку, он влетел в сад, где Катаока пил утренний чай.

– Вы действительно нашли золото?

Японец усмехнулся:

– Возможно. Обращаюсь к вам с просьбой засвидетельствовать нашу находку.

Павловский с недоумением уставился на него:

– Зачем?

Директор подробно объяснил, в чем его могут обвинить.

Доктор кивнул:

– Хорошо, я согласен.

Вскоре он уже спускался на дно.

Весть о находке моментально облетела окрестности Балаклавы. Не только водолазы, но и жители этого маленького городка осматривали ее с каким-то благоговением. Лишь дед Мирон скептически улыбался.

– Почему ты так реагируешь? – спросил его Даниленко.

Старик почесал затылок:

– Этот пароход проклят, о чем я тебе уже не раз говорил. Он надежно хранит свою тайну и никогда никому не отдаст золота, особенно чужеземцам.

Изобретатель поморщился:

– Похоже, твоя теория рассыпается.

Мирон пожал плечами:

– Эти узкоглазые авантюристы могли сами подбросить монету. Ну и что с того, что ваш Павловский спускался за ней на дно? Кто докажет, что она лежит там восемьдесят лет?

Даниленко развел руками. На это было нечего возразить.

– А ежели монета действительно английская, то этот кораблик – не «Черный принц». Ведь япошки не видели его названия. Что ж, пусть прочесывают неизвестные останки, если им больше нечего делать.

Инженер ничего не ответил. Попрощавшись с вездесущим дедом, он отправился на берег.

Японцев охватило воодушевление. С удвоенной энергией они изучали дно, и это снова принесло успех.

Везучий Ямомато нашел второй золотой.

Доктор Павловский, засвидетельствовав находку, заметил:

– Эти монеты могли быть в карманах английских моряков. Наши ныряльщики, в том числе и дети, неоднократно находили их.

Катаока покачал головой.

– Обратите внимание на дату. – Он протянул сверены русскому коллеге. – Они выпущены в одном году. Это опровергает вашу версию.

Вспоминая его слова, Сузуки печально улыбнулся. Ну почему все затопленные корабли так притягивают к себе? Вот и тогда они верили в лучшее и надеялись на чудо.

Однако его не произошло. А их команда чего только не пережила за те месяцы! Даже знаменитое Крымское землетрясение.

Он восстановил в памяти тот день.

Вакино, опустившись на дно, почти сразу попросил поднять его.

– Что случилось? – бросился к нему Катаока.

– Землетрясение, – дрожащими губами произнес водолаз.

– Вы уверены?

– Как и в том, что я житель Японии.

Колебания земли знакомы каждому японцу. Вот почему они сразу поверили Вакино. Их осторожность вызвала насмешки у русских.

– Какое еще землетрясение? Море спокойно, как никогда.

Катаока не стал с ними спорить:

– После пережитого нами ужаса будет лучше, если мы перестрахуемся.

Он имел в виду землетрясение в Токио.

Несмотря на слабые толчки, японцы побежали к дому и стали в спешке кидать вещи в дорожные сумки. В панике повар не заметил разбитую бутылку и, наступив на нее босой

ногой, в ужасе закричал. Катаока, услышав доносящиеся из сада вопли, махнул рукой на собранные вещи и выпрыгнул в окно. Хозяин дома молча наблюдал за странными капиталистами, усмехаясь в густые усы.

– И чего бояться? – недоуменно спросил он сам себя.

Ошалевшие от испуга, японцы расположились на берегу. Это место показалось им самым безопасным.

Там и нашел их Павловский. Глядя на побелевшие от страха лица, он сбегал за бутылкой вина и, разлив его в бокалы, угостил зарубежных коллег.

– Мы считаем, нет никакого повода для беспокойства, – сказал он.

Катаока пожал плечами:

– Кажется, у вас говорят: береженого Бог бережет. Если бы вы видели, что творилось в Токио...

– Но мы не в Японии. Сильные землетрясения здесь крайне редки. А незначительные случаются каждый день.

Методы убеждения доктора оказались действенными. Через полчаса команда уже улыбалась, решив вернуться в дом, а наутро вышла на работу как ни в чем не бывало, снова погрузившись на дно.

Найденная монета не давала покоя. Вот почему на маленькие толчки уже не обращали внимания.

Однако сегодня им не везло. Искатели золота ничего не нашли.

Расстроенный Катаока, измученный бессонной ночью и беспокойством, с раздражением заметил:

– В следующий раз, пускаясь в такое рискованное предприятие, мы будем тщательнее анализировать все источники.

Услышав это, Вакино побледнел.

– Значит ли это то, что никакого золота нет? – запинаясь, выдавил он.

Директор, поняв, что сболтнул лишнее и что любой неверно сделанный им шаг может подставить под удар дальнейшую работу, поспешил поправить себя:

– Вы сделали неправильные выводы. Я хотел сказать вовсе не это. Никто не будет отрицать один факт: работа оказалась во много раз тяжелее и рискованнее, чем мы предполагали. Однако представители нашей фирмы никогда не пасовали перед неприятностями. В связи с этим у меня к вам есть несколько предложений.

– Каких? – спросил Иси с интересом.

Он еще не терял надежды получить законные проценты.

Катаока потер рукой лоб:

– Без землесоса нам не справиться. Он облегчит работу и поможет перетряхнуть песок под останками. Как вы на это смотрите?

Даже самолюбивый Вакино вынужден был признать целесообразность такого предложения.

Работа закипела с новой силой. Землесос и водолазы перетряхивали весь грунт, но их поиски не увенчались успехом. Правда, они нашли еще несколько монет и, кроме того, кучу бесполезных предметов – от серебряных ложек до резиновых подошв. Единственное, что выбрасывалось на берег в изобилии, были свинцовые пули.

Настроение команды упало.

Однажды ночью Сузуки разбудили стоны, доносящиеся из сада. Наспех одевшись, он вышел в темноту.

Возле крыльца, обхватив руками голову, сидел Като. Погрузившись в свои, вероятно, безрадостные мысли, он не заметил подошедшего коллегу.

Мио дотронулся до его локтя:

– Что-нибудь случилось?

Коммерсант поднял на него измученные глаза:

– Случилось то, что все мы оказались идиотами.

– Почему?

Молодой человек похлопал его по плечу:

– Глупо искать черную кошку в темной комнате, тем более когда ее там нет. – Он рубанул ладонью воздух. – Теперь понимаешь? Там, – указательный палец взметнулся в сторону бухты, – ничего нет. Золото – это миф, сказки, на которые мы купились, как младенцы.

Сузуки попытался его успокоить:

– Еще ничего не известно.

– Все давно известно – Он наклонился к уху Мио и прошептал: – Надо скорее уезжать отсюда. Мы нарушили спокойствие корабля, и он может отомстить нам за это. Он уже мстит... Генди, потом землетрясение. Он предупреждает нас, а мы не хотим этого видеть.

Сузуки рассмеялся:

– Вы неправы.

Водолаз попытался сказать еще что-нибудь ободряющее. Однако Като, охваченный суеврым ужасом, его больше не слушал.

– Я не хочу ночевать в гостинице, – признался коммерсант. – Там всюду слышатся шорохи. Это души погибших моряков пришли за мной.

Безумными глазами он огляделся по сторонам:

– Слышишь? Они пришли и сюда. Все это добром не кончится.

Мио стало страшно.

– Пойдемте в мою комнату, – предложил он.

Коммерсант неожиданно согласился:

– Пойдем. Если они захотят, то достанут в любом месте.

Ночью Като стало совсем плохо. Он метался по кровати и звал родителей.

Повар сбегал за Павловским. Тот, осмотрев больного, дал ему какие-то таблетки, сказал встревоженному Катаока:

– К сожалению, нервная система этого человека расшатана до предела. Ему нужно срочно поменять обстановку. Не то он сойдет с ума.

Японец изменился в лице:

– Что же делать?

Павловский развел руками:

– Если у него остались деньги, пусть съездит куда-нибудь на отдых. Скажем, на Кавказ. Крымская природа будет напоминать ему о «Принце».

Утром Като полегчало. Он уже не стонал и не сокрушался по поводу экспедиции.

Глядя на исхудавшего, подавленного молодого человека, Катаока сказал ему с болью в голосе:

– Вам нужно отдохнуть. У вас еще остались деньги?

Ему никого не пришлось уговаривать. Като с радостью ухватился за его предложение. В тот же вечер он уехал на Кавказ.

Почти не поднимаясь на поверхность, Сузука просто изнурял себя работой, словно хотел бросить вызов пресловутому кораблю и тем силам, которые преграждали путь к сокровищам.

Однажды, отодвинув валун, закрывавший иллюминатор парохода, он не заметил, как потревожил глыбу, еле державшуюся на водорослях. Немного промешкав, она сорвалась вниз, преодолев призрачную преграду.

Мио почувствовал, как что-то ударило его по голове. В глазах помутилось, и он потерял сознание.

Очнулся водолаз уже на берегу. Павловский, бледный и испуганный, перевязывал ему голову.

– Как вы неосторожны, молодой человек, – проговорил он. – Если бы не ваши товарищи, вы бы уже кормили рыб.

Из рассказов Сузуки узнал: камень ударил его по голове, но вода смягчила удар. Страшным оказалось другое: вслед за этой глыбой на водолаза посыпались другие. Если бы не расторопность Иси, его бы погребло заживо.

– Этот корабль бережет свои тайны, – заметил кто-то из русских.

Сузуки охватил суеверный ужас. Он вспомнил слова Като.

– Мы должны уехать отсюда, – прошептал он.

– Не раньше, чем найдем золото, мой мальчик, – улыбнулся Катаока.

С этого момента на их экспедицию посыпались несчастья. Упорный директор не желал прекращать работу, пока грунт вокруг корабля окончательно не исследован. Везучий Вакино отыскал еще несколько монет, но на этом его везение закончилось. Зато травмы и несчастные случаи буквально преследовали японцев. Даже самые сильные потеряли терпение.

– Вы как хотите, – объявил Вакино Катаока. – А я в море больше не пойду. Никакого золота тут нет и в помине, однако ваша проклятая гордость мешает вам это признать.

Директор попытался возразить, но водолаз не дал ему это сделать:

– Да, именно проклятая гордость. Вы редко опускаетесь на дно, заставляя других работать в более чем опасных условиях. Если вы еще верите в эту красивую сказку, ищите сокровища сами. Я же уже упаковал вещи и буду дожидаться транспорта. В море я больше не поеду. – Мужчина перевел дыхание. – Кроме того, я скажу кое-что еще. Вы не руководитель. Настоящий руководитель сначала все узнал бы, прежде чем бросать своих людей на такой участок. Вы же до сих пор пребываете в неведении, есть ли тут золото.

Остальные члены экспедиции хмуро слушали.

Видя, как назревает бунт, Катаока поспешил задушить их гнев в зародыше.

– Ваши обвинения беспочвенны, – заметил он. – Разве сказали нам эпроновцы, что у корабля отсутствует средняя часть? Разве они этого не видели? Нет, видели, но умолчали. А между тем вполне возможно, что золото именно там и было. А взять его оттуда мог кто угодно, те же любимые нами англичане, уже столько лет хранящие молчание. После гибели парохода они находились в бухте целых восемь месяцев! Разве за это время нельзя было опуститься на дно и вернуть то, что принадлежит им? Это первая версия. Есть еще и вторая: не будем забывать об итальянцах. Когда дело касается денег, каждый становится находчивым и хитроумным. Во главе с Рестуччи они вполне могли провести пасущих их зевак. Разве нет? Но и это еще не все. Такими же хитроумными могли оказаться и эпроновцы. Забрав золото, они захотели занять наши деньги и нашу технику. И тут никто не виноват, что так получилось. – Он перевел дыхание. – Но в одном вы правы: нужно как можно скорее вернуться на родину, пусть даже с позором.

Это предложение японцы встретили с ликованием. Сузуки вспомнил: оно обрадовало его больше всего на свете. Сокровища отошли на дальний план. Да пусть оно горит синим пламенем, это пресловутое золото!

В тот же день директор написал письмо руководству «ЭПРОНа», в котором благодарил за оказанное содействие и уверял, что вести дальнейшие работы нет никакой необходимости.

«ЭПРОН» вынужден был согласиться, и 20 ноября японская экспедиция, расстроенная и подавленная, отбыла в Токио.

Все эти события пронесли в памяти Мио, заставив его на некоторое время забыть о делах. Однако японская пунктуальность дала о себе знать в самый нужный момент. Поглядев на часы, он, со вздохом поднявшись, зашагал в сторону ресторана.

Сверкающий неоновыми вывесками «Шанхай» находился на берегу залива. Из окон пользующегося дурной славой заведения открывался шикарный пейзаж – просто находка для художника-мариниста.

Верный своему слову, Виктор сидел за столиком в углу, неторопливо потягивая какой-то желтоватый напиток. Увидев Сузуки, он помахал ему рукой:

– Добрый вечер. Спасибо, что откликнулись на мою просьбу.

Японец расплылся в улыбке:

– Рад помочь.

Русский придвинул к нему бокал:

– Шампанского?

– Спасибо, не откажусь.

– Между прочим, крымское. Оно ведь вам когда-то нравилось?

Коммерсант кивнул. Вместе с эпроновцами он растил не одну бутылку за благополучный исход дела.

– За успех нашего совместного предприятия, – предложил Анатолий.

Мио удивленно взглянул на него:

– Но прежде я хотел бы знать...

Виктор замотал головой:

– У нас принято начинать с этого.

Зная, что этот человек говорит истинную правду, Сузуки залпом осушил бокал. Приятное тепло разлилось по телу.

Отставив бутылку в сторону, Анатолий произнес:

– А теперь поговорим... Дело вот в чем...

Внезапно японцу до смерти захотелось упасть на мягкие перины и заснуть. Превозмогая охватившую его дремоту, он старался не упустить нить разговора.

Но это не получалось. Лицо собеседника стало расплываться. Затягиваясь беловатой дымкой, пока не исчезло совсем.

Сузуки, застонав, с трудом разомкнул казавшиеся свинцовыми веки и не поверил своим глазам. Связанный по рукам и ногам, он сидел на стуле в незнакомой комнате с облупившимися стенами, а рядом на кровати примостился Виктор, сжимая пистолет.

Увидев, что Мио приходит в себя, Анатолий прошипел:

– Наконец-то очнулся, сволочь узкоглазая.

Теперь Сузуки не поверил своим ушам:

– Что случилось?

– Ты можешь спасти свою жизнь, за которую я не дал бы и ломаного гроша, – усмехнулся русский. – Стоит только быть со мной откровенным.

Сузуки облизнул пересохшие губы:

– Что вам от меня нужно?

– Правда о золоте «Черного принца».

Японец заморгал:

– Вам же известно: никакого золота мы не нашли.

Сильный удар в грудь свалил его на пол.

– Ох уж эта ваша восточная хитрость, – процедил сквозь зубы собеседник. – Тогда вам удалось обхитрить НКВД. Но меня тебе не обмануть. – Он сузил глаза. – Среднюю часть судна вы все-таки нашли, не так ли? Нашли и перепрятали. А эпроновцам сказали, что ее там не было.

На смуглой коже Сузуки выступили капли пота.

– Клянусь, – прохрипел он, – никакого золота мы не нашли. Средней части корабля действительно не было. Мы подумали, что русские хотят завладеть ста тысячами рублей и нашим оборудованием, только поэтому допустив нас в Балаклаву. Никаких сокровищ там не было и в помине!

– Врешь!

Викторов зажег спичку, прикурил сигарету и поднес ее к белому от ужаса лицу японца.

Через час, усталый и обессиленный, Анатолий шагал по набережной. Гость из Страны восходящего солнца оказался не таким живучим, как говорили о японцах. Бедняга недолго терпел пытки.

Викторов подумал: нужно срочно отыскать лодку. Погрузить в нее труп и, отплыв подальше, похоронить его в водах Тихого океана. Он не знал, радоваться ему или огорчаться. Если Сузуки сказал правду, следовало поискать в другом месте.

Так или иначе, отступить следователь НКВД не собирался.

Глава 13

Симферополь. 1932 год

Джованни Воландри, работавший когда-то с Рестуччи в итальянской экспедиции по исследованию «Принца» в попытке достать пресловутые сокровища, вместе с группой туристов прилетел в Симферополь. Поселившись в самой шикарной гостинице «Москва», расположенной по каким-то соображениям на окраине города, он первым делом принялся выяснять у руководителя группы, запланированы ли экскурсии в Севастополь и Балаклаву. Тот ответил утвердительно. Экскурсия в Севастополь стояла первой.

Обрадовавшись такому известию, Джованни принял ванну, побрился, надел лучший костюм и отправился осматривать Симферополь. Человека в черном плаще, следовавшего за ним по пятам, Воландри не заметил, а если бы даже и заметил, то не придавал бы этому значения. В Риме туристов предупредили, что сотрудники НКВД не будут спускать с них глаз.

Облокотившись на железные перила, итальянец бросил камень в обмелевшую речку Салгир. Очертания гор вдалеке вызвали в памяти картины Балаклавы, этого тихого, уютного городка, со своим особым воздухом, напоенным полевыми травами, морем и рыбой.

Джованни с грустью подумал о том, что со времени экспедиции прошло больше тридцати лет, да нет, не прошло, а пронеслось, пролетело.

Сколько ему было тогда? Двадцать пять. Сейчас же он разменивал шестой десяток. Как быстро течет время! Благодаря его стремительному бегу человек никогда не чувствует возраста. Вот и он, перешагнув рубеж пятидесятилетия, ощутил себя двадцатипятилетним юношей, который, веря в красивую легенду, бесстрашно погрузился на морское дно.

Подставив лицо теплоте, но еще не палящему майскому солнцу, Воландри блаженно зажмурился.

Человек в черном, не спускавший глаз с итальянца, подошел к нему.

– Паика, дружнице!

От звука громкого низкого голоса Джованни вздрогнул. Тонкие губы незнакомца растянулись в улыбке, и он принялся хлопать туриста по плечам и спине.

– Как же долго я тебя не видел! Ты где пропадал?

Ошалевший от такого напора, гость взял себя в руки, попытался указать на явную ошибку. Восстановив в памяти несколько русских слов, он проговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.